

И.Г. Атаманенко

СТАВКА — ИЗМЕНА РОДИНЕ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Игорь Атаманенко

Ставка – измена Родине

«ВЕЧЕ»

2016

Атаманенко И. Г.

Ставка – измена Родине / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-7194-0

У вас в руках книга о самых впечатляющих фактах предательства – измене родине – в последней трети XX – начале XXI века. Измена родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу. Прочитав книгу, читатель, кроме прочего, удовлетворит свое естественное любопытство и побывает «на кухнях» – в штаб-квартирах – сильнейших спецслужб мира – КГБ и ЦРУ, – где готовились самые «пикантные блюда» – операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому...

ISBN 978-5-4484-7194-0

© Атаманенко И. Г., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Охота на «Кротов»	8
Глава первая. Супруги-шпионы	10
Глава вторая. Заминированные бордели	14
Глава третья. Сребреники для агента «Скиф» чеканили в ЦРУ	17
Глава четвертая. Агент ФБР «столичного» разлива	21
Глава пятая. Горький аромат предательства	25
Глава шестая. Рекордный забег «Крота»	32
Глава седьмая. Шпионы, избежавшие возмездия	37
Глава восьмая. Несостоявшийся агент КГБ	43
Глава девятая. Казнить нельзя. Помиловать!	47
Часть вторая. Российская научная элита распродает госсекреты	53
Глава первая. Шпион по протекции	53
Глава вторая. Плащ и кинжал «чистого ученого»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Игорь Атаманенко

Ставка – измена Родине

© Атаманенко И.Г., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

*Чекисту Зайцеву Владимиру Николаевичу и бойцам команды
«Альфа» посвящается*

Предисловие

Предательство в форме измены родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу.

В истории земной цивилизации бесчисленно много примеров, когда изменники вероломно нарушили воинскую присягу, пренебрегли долгом чести и морали, попрали законы человеческого общежития.

Но в книге рассматриваются случаи, которые имели место в среде научно-технической интеллигенции и элиты офицерского корпуса – сотрудников спецслужб – Советского Союза, Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки во второй половине XX – начале XXI в.

Автор пытается осмыслить те казусы, которые, с одной стороны, поражают воображение уровнем причиненного финансово-материального ущерба, с другой – необъяснимы с точки зрения людской логики и психологии.

Анализируя преступные деяния указанных категорий лиц, автор делает вывод, что не всегда в основе оглушительно громких случаев измены родине лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подверглось не только само событие, но причины и мотивы, способствовавшие его совершению.

В этой связи показательными представляются случаи измены родине высокопоставленным сотрудником Федерального бюро расследований США Робертом Хансеном и генерал-майором Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ) Дмитрием Поляковым.

Неудовлетворенность своим положением в системе координат родной спецслужбы заставила Хансена обратиться с предложением своих услуг КГБ. Но более денег тщеславию Хансена льстила иллюзия водить за нос начальство, обладать большей, чем оно, информацией, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег.

Его поступки были обусловлены и другим обстоятельством. Будучи интеллектуально выше своих сослуживцев и начальства, Хансен критично оценивал их умственные способности и культурный уровень, втайне презирая их. Сотрудничая сначала с советской и затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил этому сладостное подтверждение.

Казус Дмитрия Полякова уникален по многим признакам.

Во-первых, потому, что в системе военной разведки он сумел так высоко подняться и приобрести охранную грамоту в виде генеральского звания. Во-вторых, по сроку – 25 лет, – что предатель «таскал из огня каштаны» для ФБР и ЦРУ. В-третьих, по объему и ценности переданной им противнику информации. В-четвертых, потому, что Поляков за все время работы на США не попал в поле зрения нашей контрразведки, а был разоблачен лишь благодаря нашим «кротам» в американских спецслужбах. Наконец, потому, что руководство ГРУ, однажды проигнорировав сигнал о его шпионском промысле, не провело надлежащего расследования, поскольку не желало выносить сор из избы.

На следствии выяснилось, что генерал был изменником по убеждению. Отвергая политические ориентиры советского правительства времен хрущевской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предает забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Но основным побудительным мотивом, толкнувшим его в объятия спецслужб противника, была месть за младенца-сына, которого можно было спасти, но из-за равнодушия руководства ГРУ он безвременно погиб.

Безусловный интерес для читателя представляют рассекреченные материалы о сотрудничестве московской резидентуры ЦРУ и сверхприбыльного агента «Сфиз» – ведущего

конструктора Всесоюзного НИИ Министерства радиопромышленности СССР «Фазотрон» Адольфа Толкачева. Он, нанеся своей маниакально-преступной деятельностью многомиллиардные убытки СССР, преподнес США на блюдечке с голубой каемочкой *всю* нашу военную авиа- и радиоэлектронику.

Казус Толкачева – доказательство тому, что процветанию таких мощных государств, как Соединенные Штаты Америки, может способствовать такое преступление, как измена родине.

О том, как ЦРУ и Министерство обороны США высоко оценивали своего агента и как щедро оплачивали его услуги, можно судить по одному факту. Пытаясь уничтожить улики своей преступной деятельности, «Сфиз» сжег более 400 000 рублей (на эти деньги в 1985 году можно было приобрести более (!) 70 автомобилей «жигули» ВАЗ-2101), но даже после этого у него дома при обыске были изъяты около полутора миллионов рублей. Кроме того, два с половиной миллиона долларов были депонированы на банковских счетах Толкачева в Соединенных Штатах Америки.

Прочитав книгу, вы, кроме прочего, удовлетворите свое естественное любопытство и побываете «на кухнях» – в штаб-квартирах – самых сильных спецслужб мира – КГБ и ЦРУ, – где готовились «пикантные блюда» – операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому...

Часть первая. Охота на «Кротов»

Все семьдесят лет своего существования СССР являлся государством тотального дефицита, однако никогда не испытывал нехватки в одном. В перебежчиках.

Если не считать исхода евреев из Древнего Египта, ни из одной другой страны мира не бежало столько ее граждан, как из Советского Союза.

Бежали все: помощники вождей и балерины, писатели и спортсмены, министры и рабочие. Но то были физические перебежчики. А сколько было духовных, кто по ночам, прильнув к радиоприемникам, с жадностью внимал «вражьи голоса» – радиостанциям «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна», «Голос Израиля», чтобы хоть на час, хоть мысленно, но оторваться, убежать от советской действительности!

И дело не в особенностях менталитета граждан страны Советов. Примерно та же картина наблюдалась и в других странах социалистического лагеря.

Кстати, вы никогда не задумывались, почему мы говорили «лагерь социализма», но «мир капитализма»? Может, потому-то и бежали, что социализм был *лагерем*?..

В начале 1980-х гг. в среде сотрудников советских спецслужб широкое распространение получила тенденция уходить внаем к противнику. Уходить в шпионы. На профессиональном аргументе спецслужбистов это называется стать «кротом».

Продолжая занимать престижные должности в силовых синекурах, они фактически работали в пользу США, исправно поставляя своим заокеанским хозяевам сверхценную информацию.

Продавая противнику наши стратегические секреты, «кроты» исподтишка готовились к «мягкой посадке» на Западе. Это была самая опасная и убыточная для СССР разновидность перебежчиков.

Став «кротом», имярек исправно, а иногда с еще большим рвением, чем прежде, продолжал исполнять функциональные обязанности на своем рабочем месте, а всю конфиденциальную, секретную и особой важности информацию аккуратно «сливал» своим закордонным работодателям. Разумеется, за приличное вознаграждение, во много раз превышавшее его должностной оклад в родном учреждении.

Через некоторое время тенденция ухода в «кроты» приобрела такое распространение в среде офицеров нашей разведки, что их коллеги из западных спецслужб уже захлебывались от наплыва этих «инициативников» и брали на иждивение только самых-самых выдающихся секретноносителей. Хотя и таких к ним являлось немало с предложением своих услуг...

Да, в середине 1980-х – 1990-х гг. в СССР наблюдалось просто перепроизводство шпионов. Опять мы были впереди планеты всей. И как знать, не назовут ли исследователи последующих столетий то время «пиком шпионской революции» в России? И, возможно, будут правы. Тогда-то мы и узнаем, сколь велико было число «кротов» тех времен. Хотя о них и сейчас уже известно достаточно...

Впрочем, чего греха таить, тому были и объективные причины.

Разрушение разведки и контрразведки, замену крючковых на бакатиных, баранниковых на барсуковых, разбазаривание высококлассных профессионалов, обнищание научно-технической интеллигенции и наших офицеров, имевших доступ к госсекретам, не могло не сказаться на нашей обороноспособности.

«Рокировки», проводимые Горбачевым, а в последующем Ельциным, создавали благоприятные условия для успешной деятельности в нашей стране всем западным спецслужбам. В то время они чувствовали себя в России, как микробы в питательном бульоне...

Правда, не все было разрушено по инициативе и недоумию российских руководителей-временщиков КГБ, кое в чем им помогала злая воля нашего традиционного противника –

экспертов ЦРУ и других американских спецслужб, – которая-то, в конце концов, и двигала руками наших предержавших властей.

Нисколько не обеляя измены, автор, опираясь на конкретные факты, прослеживает, как и почему сотрудники советских спецслужб инициативно предлагали свои услуги ЦРУ, то есть становились «кротами».

Справедливости ради, следует добавить, что они составляли лишь ничтожно малую часть от многотысячного корпуса разведчиков, действовавших в мире искусительных миражей западной действительности...

Глава первая. Супруги-шпионы

В конце августа 1985 г. заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Николаевич Зайцев был срочно отозван из отпуска и получил приказ подобрать и подготовить бойцов для «съема» (на профессиональном жаргоне – негласное задержание) полковника Геннадия Сметанина, помощника резидента ГРУ в Лиссабоне.

От нашего особо ценного агента Олдрича Эймса, возглавлявшего контрразведывательное отделение в одном из подразделений ЦРУ, стало известно, что Сметанин и его жена Светлана занимаются шпионажем в пользу США с 1983 г.

Полковник инициативно предложил свои услуги ЦРУ. Вызавшись сотрудничать, он на первой же встрече за свои услуги запросил миллион долларов, за что получил оперативный псевдоним «Миллион», под которым и проходил в секретных платежных ведомостях ЦРУ.

Получив решительный отпор, Сметанин умерил свои аппетиты до 360 тысяч долларов. Пояснил, что именно такая сумма ему нужна, чтобы покрыть растрату казенных денег.

ЦРУ заплатило ему, но к его истории отнеслось с подозрением, решив, что полковник просто хочет продать себя подороже. Действительно, верилось с трудом, что в такой крошечной оперативной точке, каким являлся Лиссабон, могли крутиться такие огромные деньги. Однако псевдоним агенту оставили прежний – «Миллион».

* * *

В конце августа Сметанин получил очередной отпуск и вместе с женой-подельницей прибыл в Москву.

Силами «наружки» и «слухачами» из 12-го отдела КГБ СССР (прослушивание телефонов и внедрение микрофонов) за супругами велось круглосуточное наблюдение.

Тотальный контроль принес результаты: были получены данные, прямо указывавшие на сбор ими дополнительных сведений для американских работодателей, а также о намерении супругов остаться за границей навсегда.

К примеру, полковник, неожиданно воспылав любовью ко всем своим однокашникам по службе в ГРУ, стал активно посещать их на дому и во время застолий делать «фотографии на память».

Ясно, что эти снимки значительно пополнили бы картотеки американских спецслужб, затруднив впоследствии работу наших военных разведчиков при выезде в заграничные командировки.

Пробыв в Москве около трех недель, супруги-шпионы отправились в Казань, чтобы навестить и, как небезосновательно считали в КГБ, попрощаться с родителями и близкими.

«Лучшего места для негласного задержания шпионской парочки не придумать!» – решил Зайцев и с группой захвата немедленно вылетел в Татарию.

Через три дня он понял, что скрытно «снять» супругов не удастся: они все время были окружены многочисленными родственниками и друзьями. Тем не менее Зайцев не отказался от мысли провести «съем» именно в Казани, на вокзале или в аэропорту – в зависимости от того, какую обратную дорогу предпочтут Сметанины.

Свои соображения «альфовец» доложил в Центр и получил «добро».

* * *

12 сентября местные сыщики наружного наблюдения, на которых возлагался визуальный контроль за передвижениями шпионов, доложили Зайцеву, что объекты взяли билеты на самолет и 14 сентября должны вылететь в Москву. Одновременно слуховым контролем телефонных разговоров брата Сметанина удалось установить, что объект конспиративно, с помощью своих родственников приобрел два билета на скорый поезд № 37 Казань – Москва.

Эти маневры «подопечного» насторожили Зайцева. На память пришли события пятилетней давности – обстоятельства побега за границу начальника отдела Восьмого главного управления КГБ (связь и шифровальная служба) Виктора Шеймова, который вместе с семьей был вывезен американцами на самолете прямо из аэропорта Внуково. Накануне побега Шеймов, чтобы иметь выигрыш во времени, в пятницу сообщил начальству, что на выходные дни уезжает на дачу приятеля в Подмоскowie. Поэтому его хватились лишь в понедельник, когда он уже был недосыгаем.

«Уж не хотят ли американцы повторить шеймовский вариант со Сметаниными? Если да, то становится понятным демонстративное приобретение супругами билетов на самолет – это отвлекающий маневр. Значит, – продолжал анализировать ситуацию Зайцев, – в аэропорту они не появятся, там же надо проходить регистрацию, то есть “светиться”!»

Как назло, утром того дня, когда супруги-шпионы должны были покинуть Казань, местная «наружка» их потеряла! Не веря до конца в возможность побега Сметаниных, Зайцев начал лихорадочно листать сводки наружного наблюдения и слухового контроля, пытаясь найти в них какую-нибудь зацепку, ранее незамеченную деталь, которая могла бы указать на возможное место пребывания объектов...

Нашел!

В день приезда Сметаниных в Казань им кто-то позвонил по межгороду. Геннадий, подняв трубку, ограничился короткой репликой:

«Я тебе перезвоню позже, извини, мы только что с дороги».

Казанские технари быстро установили, что звонок поступал от двоюродного брата объекта, проживавшего в поселке Козловка. Однако в дальнейшем Сметанин попыток связаться с ним не предпринимал. Но полной уверенности в этом не было, так как шпион мог позвонить брату с телефона своих многочисленных родственников и друзей.

Зайцев развернул карту Татарии. Так и есть! Козловка находится в непосредственной близости от железнодорожной магистрали Казань – Москва.

* * *

До вылета самолета в Москву оставалось два часа, до отправления поезда – три, когда Зайцеву удалось убедить свое руководство в Центре, что ему с группой захвата необходимо выехать в Козловку.

Действительно, что оставалось делать? Ясно было, что приобретение билетов на самолет – блеф, причины которого еще предстояло выяснить.

Билеты на поезд? Но Сметаниным не обязательно погружаться в поезд именно в пункте отправления – Казани, они спокойно могут сесть и в Козловке, что всего в сорока километрах. Если, конечно, они еще там!

На всякий случай Зайцев решил выждать один час, оставаясь в Казани. В Козловку он выслал разведзор во главе со своим заместителем Виталием Демидкиным. Учитывая скорость, с которой привыкли передвигаться «альфовцы» в ходе выполнения боевых заданий, нет ничего удивительного, что уже через сорок минут Демидкин вышел на связь и доложил, что

супруги-шпионы гуляют «по-черному» в обществе двоюродного брата Геннадия и его приятелей.

У Зайцева отлегло от сердца – «крот» найден!

Обнаружение «крота» отнюдь не решало проблем – брать шпионскую парочку на станции все равно нельзя: их наверняка будут провожать родственники и собутыльники. Может завариться такая каша!

Значит, «съем» придется проводить непосредственно в поезде, во время движения. Легко сказать! А если объект начнет отстреливаться? Да при этом, не дай Бог, кого-то из пассажиров ранит или убьет?! Ведь до конца службы не отпишешься...

И все-таки другого выхода нет – надо брать только в поезде...

* * *

После задержания Сметаниных от их имени казанским родственникам была послана телеграмма, что они досрочно улетели за границу – отозвали из отпуска.

Столичные знакомые шпионской парочки пребывали в неведении, думая, что они задержались в Казани.

Разумеется, истинное место пребывания супругов скрыть нужно было не столько от их родственников и знакомых, сколько от заокеанских операторов. Чем позднее они узнают о провале своих агентов, тем лучше для нас. И для безопасности человека, который вывел Комитет на шпионскую парочку.

* * *

Геннадия и Светлану «сняли» через пятнадцать минут после того, как поезд отошел от перрона Козловки.

Задержание произошло бы гораздо позже, если бы отступник ехал без жены. Надев парик и очки, он настолько изменил внешность, что идентифицировать его по имевшимся фотографиям категорически не представлялось возможным.

Тут же в купе предателя переодели в заранее приготовленный спортивный костюм и отобрали личные вещи – правило, которому неукоснительно следовали группы захвата. Делалось это исключительно с одной целью: обнаружить предметы, в которых могли находиться капсулы со смертельным ядом.

Во время осмотра вещей Сметанина «альфовцев» насторожило то, как он настойчиво пытался вернуть себе отобранные очки. Странно, тем более что стекла в очках были без диоптрий.

Как выяснилось в дальнейшем, в дужках очков находились ампулы с сильнейшим ядом из семейства курареподобных. Сметанину достаточно было сжать пальцами дужки, чтобы из микрорезервуаров вытекла смертоносная жидкость. Ее даже глотать не надо было! Попав на кожу, капля яда гарантировала уход в мир иной в течение 20 секунд. Единственное, что могли бы при вскрытии констатировать патологоанатомы – смерть от острой сердечной недостаточности.

...Личный обыск Светланы Сметаниной не проводили до самой Москвы – в группе захвата отсутствовали женщины. Исходя из мер предосторожности, ей надели наручники, а отдельные части туалета и аксессуары тщательно осмотрели и даже прощупали.

В богато расшитом поясе, инкрустированном черненым серебром, были обнаружены сорок четыре ячейки с... крупными алмазами! В ходе допросов выяснилось, что алмазы были переданы супругам двоюродным братом Геннадия, ранее работавшим на алмазных приисках Якутии.

После продажи их за границей мистер «Миллион» вплотную приблизился бы к своей мечте состояться миллионером...

Глава вторая. Заминированные бордели

Похищать секреты – все равно что тайком, ложка за ложкой таскать бабушкино варенье из начатой банки.

Это только кажется, что бабушка не замечает, как уменьшается уровень медового варева. Приходит день, когда ты, забравшись в комод к вожденной банке, вдруг получаешь крепкую затрецину:

«Попался, негодник!»

Оказывается, бабушка давно уже наблюдала за тобой в ожидании, когда ты наконец сделаешь свой роковой шаг, чтобы схватить тебя с поличным...

...Геннадий Вареник, офицер КГБ, находившийся в служебной командировке под прикрытием сотрудника корпункта АПН в Бонне, работал в пользу США чуть более полугода.

Он предложил свои услуги в качестве шпиона сотруднику ЦРУ Чарльзу Левену в апреле 1985 г. после того, как растратил полученные им на оперативные расходы семь тысяч марок. Эти деньги ушли на развлечения, на приобретение новой мебели, платья для жены и одежды для дочерей.

Вареник заблуждался, считая, что по собственной инициативе установил контакт с сотрудником ЦРУ. Первый шаг для сближения был сделан все-таки Левеном, разумеется, не без помощи других сотрудников американской резидентуры в Бонне. Ими были созданы условия, вынудившие советского разведчика искать материальную помощь у могущественного ведомства, каким является ЦРУ.

* * *

Чарльз Левен, человек неопределенного возраста: от тридцати до сорока пяти лет, находился в Бонне в качестве журналиста, якобы представлявшего сразу несколько американских изданий. Какие темы он освещал, на полосах каких изданий, этого никто не знал, однако поговаривали, что из-за своих снайперски метких публикаций он приобрел немало недоброжелателей, поэтому в последнее время вынужден печататься исключительно под псевдонимами.

Принадлежность американца к миру журналистики ни у кого не вызывала сомнения, потому что он всегда был в курсе самых последних сенсаций и скандалов, касались ли они великосветских тусовок или правительственных кругов Германии. Он был вхож в самые закрытые клубы по интересам, панибратски мог похлопать по плечу многих членов кабинета министров, не говоря уж о парламентариях, над которыми он любил откровенно поиздеваться.

В журналистских кругах его звали «душкой Чарли» и многие иностранные репортеры, аккредитованные в Бонне, считали за честь провести с ним часок-другой за кружкой пива, пытаясь выведать мнение всезнайки об очередном скандале или сенсации.

* * *

Идея «Фитнесса» – псевдоним, присвоенный Варенику американцами, – добровольно «таскать каштаны из огня» была щедро проавансирована ЦРУ: денег дали столько, что хватило не только покрыть недостачу, но и приобрести много других красивых вещей.

Умело манипулируя страхом руководства ЦРУ перед вездесущим КГБ, Вареник на очередной явке сообщил своему оператору, что Комитетом разработана операция, призванная создать видимость, что немцы не приемлют присутствия американских войск на территории

Германии. Для этого он якобы получил задание подобрать рестораны и бордели, посещаемые американскими военнослужащими, где можно было бы заложить мини-бомбы.

Со слов Вареника, КГБ, взорвав там бомбы, рассчитывал не только вызвать протест американского командования в адрес немецких властей, но и создать стену отчуждения между США и Германией. Ну, а чтобы новые хозяева охотнее поверили в этот бред, Вареник представил им подробнейшую информацию об операциях КГБ в Германии, в частности, «сдал» трех наших информаторов из числа высокопоставленных чиновников западногерманского правительства.

Как впоследствии на допросах признался Вареник, нелепица о мини-бомбах пришла ему в голову, когда он дома наслаждался просмотром кинобоевиков американского производства.

Однако досужий вымысел вызвал в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли невероятный ажиотаж. Еще бы! Ведь сведения получены от секретного агента, который является сотрудником советской спецслужбы! Когда информация – плод больного воображения «Фитнесса» – достигла Белого дома, она пришлась как нельзя кстати. Незадолго до этого Рейган назвал СССР «империей зла». Таким образом, данные, представленные Вареником, были восприняты в администрации президента как подтверждение тезиса о жестокости Советов. Спешно ЦРУ дало задание своим офицерам ознакомиться с обстановкой в указанных предателем значных местах.

«Да, – телеграфировали они в Лэнгли, – информация «Фитнесса» подтверждается!»

* * *

Если врага нет – его надо выдумать. Не беда, если это произойдет даже в горячечном бреду.

Этим постулатом пользовались цэрэушники, направленные на рекогносцировку в кабаки и бордели, посещаемые американскими военнослужащими.

На протяжении десятилетий смыслом существования Центрального разведывательного управления была борьба с СССР, с коммунизмом. И если бы кадровые сотрудники не подтвердили бредового вымысла Вареника, то ЦРУ становилось «голым королем». И как тогда прикажете оправдать перед налогоплательщиками годовой бюджет этого монстра, достигший к тому времени более пяти миллиардов долларов?!

Не найди цэрэушники подтверждения информации, представленной «Фитнессом», руководству ведомства было бы гораздо труднее морочить головы и американским законодателям, и налогоплательщикам, запугивая их советской угрозой.

Все силы руководителей ЦРУ были направлены на создание видимости, что Советский Союз – мощный агрессивный противник. Хотя, на самом деле, в Управлении прекрасно знали, что это далеко не так – ни по потенциалу, ни по стратегическим устремлениям СССР...

* * *

Однажды сумев ввести своим новым хозяевам возбуждающий воображение наркотик, Вареник пошел дальше.

4 ноября он по экстренному каналу связался с Чарльзом Левеном и заявил, что со дня на день КГБ установит мини-бомбы, а его для дополнительного инструктажа вызывают в Восточный Берлин. В этой связи предложил свою помощь: он дезертирует и сделает публичное заявление-признание. Однако в Лэнгли среди ветеранов разведки нашлись трезвые головы, которые охладили пыл зарвавшегося агента. «Фитнессу» было объявлено, что ЦРУ держит ситуацию под контролем и просит его повременить с переходом на Запад. Вместе с тем, «кроту» за проявленное рвение было выплачено дополнительное вознаграждение.

А он только этого и добивался. Привыкнув к легко достающимся деньгам, Вареник «добывал» интересующие его «работодателей» сведения, не вставая с кушетки. Удобно, черт возьми! Смотришь дома по телевизору американские боевики, а затем их содержание пересказываешь на явке своему американскому оператору – он все равно проглотит, ведь информация исходит от сотрудника советской спецслужбы!

Какой резонанс в мировой прессе могут придать его бреду «ястребы» из ЦРУ, какие политические выгоды для себя извлечь, – это Вареника нисколько не интересовало, главное – платили бы исправно! Справедливости ради следует добавить, что одними только «сочинениями на вольную тему» работа Вареника в пользу США не ограничивалась.

Характеристики на вновь прибывших сотрудников ТАСС и АПН, которых американцы подозревали в принадлежности к КГБ; копии со служебных документов, попадавших в руки изменника по роду основной деятельности; сведения о намечаемых советской резидентурой в Бонне мероприятиях – вот неполный перечень информации, переданной Вареником своему оператору Чарльзу Левену.

Кроме того, советские эксперты по делам спецслужб в Бонне полагают, что Вареник «сдал» противнику около 200 кадровых сотрудников КГБ и ГРУ и их информаторов.

Пример с Вареником – это еще и свидетельство тому, как быстро может возникнуть у агента и его кураторов взаимозависимость, имеющая, правда, разную природу.

Хозяевам нужна информация, какой бы бредовой она ни казалась на первый взгляд. «Кроту» – легкие деньги.

* * *

В 1997 г. в российской периодической печати появились высказывания родственников Вареника, дескать, за что же его расстреляли, если ничего плохого он своей Отчизне не сделал, а только Комитету госбезопасности. Да и вообще, был он образцовым семьянином, не пил, не курил, интимных подружек не имел, был добрым и отзывчивым, даже помогал своим коллегам по корпункту.

На этот посыл можно ответить коротко: Вареник – предатель, а товарищеские отношения по работе и благополучие в семье не исключают предательства.

Понятна озабоченность его близких окружить его романтическим ореолом. Однако у всех тех, кто имел отношение к расследованию обстоятельств его измены, ни на мгновение не возникло никаких сомнений, что продался он противнику исключительно по меркантильным соображениям. В полной мере к нему подходит классическое определение: «идейный борец за денежные знаки».

Что же касается утверждений, что Родине своей он ничего плохого не сделал, но только Комитету госбезопасности, этому дремлющему оку и всеслышащему уху государства, то такая позиция, по меньшей мере, выглядит вызывающей.

Злоумышленник отрежет вам ухо, выколет глаз, а затем его защитники примутся убеждать вас, что намерений причинить ущерб лично *вам* он не имел. Вы поверите?

Глава третья. Сребреники для агента «Скиф» чеканили в ЦРУ

Измена – пропуск в ЦРУ

Когда арестовали полковника ФСБ Александра Запорожского и предъявили ему обвинение в шпионаже в пользу США, многие его коллеги были в шоке. Чего не хватало обвиняемому?

Две новенькие «Волги», две кооперативные квартиры в центре Москвы, две дачи, приличная полковничья пенсия. Дети пристроены в престижные столичные вузы. Ему только 52 года – наслаждайся жизнью, путешествуй, занимайся детьми и дачами! Ан, нет же, все мало, захотелось прилива адреналина в кровь или денег в карман?!

Но нет, не знали коллеги, кто таков на самом деле Александр Запорожский.

* * *

Личность незаурядная. Трудоголик. Здорового честолюбия – через край. Блестящий аналитик с сильным характером и склонностью к авантюризму (а кто из разведчиков или контрразведчиков лишен этого качества – бросьте первым в меня камень!). Он умело скрывал эти свои достоинства от окружающих. Свободно владел одним из труднейших языков мира – амхарским, государственным языком Эфиопии, где в начале своей оперативной карьеры ему довелось работать в качестве «охотника за головами» – вербовщика.

Но какая карьера в Эфиопии? Даже если ты свободно изъясняешься на амхарском? Да у любого чиновника из Министерства Вооружений Эфиопии можно было купить за десять-двадцать американских долларов контракт на поставку советского вооружения. Правда, те же чиновники, что брали деньги, впоследствии под разными предлогами отказывались от закупок советского оружия. Но от секретного сотрудничества не отказывались – исправно писали подписки о готовности сотрудничать с КГБ и расписки в получении денег.

Запорожскому от надежной и проверенной агентуры стало известно, что Эфиопия никогда не пойдет на закупки вооружений в СССР, так как все стрелковое и тяжелое оружие в течение десятилетий закупалось только в США. Что же ему здесь делать, совершенствовать свои знания в амхарском, если он не может продать ни одной установки «Град»?!

Нет, это – тупик. Денежный, спокойный, но тупик! Бежать отсюда надо, и как можно скорее – годы-то идут, оперативный нюх притупляется. Нет-нет, бежать, и не откладывая это на завтра. Сегодня же надо написать первый рапорт. Затем второй. Если надо, то и десятый! После этого в Центре поймут, что меня отсюда надо переводить. А куда? Да хоть в Нигерию! Все, решено, сегодня же кладу рапорт на стол резиденту! И будь что будет! Хватит, надоело! Пусть присылают сюда какого-нибудь стажера, а я ведь как-никак в подполковниках хожу! Пусть подыщут мне какой-нибудь англоговорящий отдел. А почему бы и нет?!

* * *

Ко многим написанным Запорожским рапортам о переводе в другое место, а также к вербовке десятков эфиопов – не простых бомжей в лохмотьях, но высокопоставленных чиновников военного ведомства Эфиопии, от которых зависела закупка американского или советского вооружения, Центр проявил должное внимание, и он, Запорожский, к своему ошеломлению, получил назначение... в самое сердце, алтарь СВР – американский отдел! Ну и пусть заместителем начальника отдела – главное впереди!

Запорожскому присвоили звание полковника, но саднило душу, что не дали генерала. Да и держава вдруг поскакала галопом в криминальный капитализм. А в нем, в капитализме, столько возможностей! Теперь на свои четырехкомнатные кооперативные квартиры в центре Москвы он смотрел как на лачуги, а на две новенькие «Волги» – как на изношенные самокаты...

И полковнику захотелось много денег.

Свое желание он реализовал в 1994 г. в Аргентине – очень кстати подвернулась короткая командировка. Заглянул с мерами предосторожности в посольство США и вызвал местного резидента ЦРУ Вильяма Ортмана. Обалдевший от такого сюрприза американец выскочил в фойе посольства в пижаме и тапочках на босу ногу...

ЦРУ превращает «Скифа» в артезианскую скважину

Запорожский отдавал себе отчет, какой царский подарок он преподносит своим новым друзьям, как и знал цену своей информации, тем более что американцам для ее добычи пришлось бы приложить, ох, как много сил и времени. Да и увенчались бы их потуги успехом?!

Запорожского взял на связь сам Стивен Каннес – начальник контрразведки ЦРУ, присвоив «новобранцу» псевдоним «Скиф».

«Кроту» предложили вполне приемлемые условия: в случае опасности защиту в лице администрации президента США и много денег, а взамен потребовали сведения, которые день за днем, в течение трех лет с усердием водонасоса выкачивали из нового друга Соединенных Штатов.

И новоявленный замнач американского отдела, «крот» по кличке «Скиф», не подвел своих новых работодателей. Он «слил» им информацию обо всех известных ему разведчиках российских резидентур в США, Канаде, в Латинской Америке и Западной Европе, агентуру и намечавшиеся операции.

К счастью, в СВР умеют хранить свои секреты – Запорожский, несмотря на свой высокий пост во внешней разведке, знал далеко не все.

ЦРУ приобрело ему на территории США два коттеджа. Один за 407 тысяч долларов в «зеленом поясе» пригорода Вашингтона, второй – за 890 тысяч в штате Мэриленд, в местечке Кокивилл, и целый парк авто самых престижных марок. Общая стоимость подарков превышала 2 миллиона «зеленых» – свидетельство того, что «Скиф» «сдал» своим цэрэушным работодателям горы секретной информации...

Первые подозрения ФСБ и СВР

В 1997 г. Запорожский подал рапорт об увольнении. Но к этому времени у управления «К» (контрразведка внешней разведки), да и у Отдела собственной безопасности СВР накопились некоторые подозрения, что новоиспеченный замнач американского отдела – двурушник. За год до этого ФБР арестовало некоего американского дипломата, которого усиленно разрабатывали в вербовочном плане управление «К» Службы внешней разведки. Этот проект продвигал именно Запорожский.

Но какие, товарищи, могут быть подозрения в отношении такого мастодонта разведки, орденоносца, Почетного чекиста, аса вербовок, каким считался Запорожский?!

Поскольку весомой доказательной базы о причастности Запорожского к аресту американского дипломата не было, активную разработку его прекратили, но внимательно отслеживали его намерения и шаги.

Отсутствие прямых доказательств

В 1997 г. Запорожский ушел на пенсию. В это же время его старший сын Павел, не объясняя причин, подает рапорт и увольняется с третьего курса Академии СВР. Галина, жена полковника в своем окружении стала рассказывать, что ее мужу предстоит длительная командировка в Западную Европу, вот только дождаться бы окончания средней школы Максимом, младшим сыном...

Все полученные от конфиденциальных источников сведения накапливались и анализировались в ФСБ.

Находится много расхождений в словах и поступках родственников Запорожского и его самого, который сразу же после увольнения оформил загранпаспорта и долгосрочные визы для всего своего семейства на отдых... в Болгарию.

Что это? Перевалочный пункт для более длительного путешествия? Или просто отвлекающий маневр матерого аса разведки? Вопросы, вопросы, вопросы...

Как выманить зверя из логова?

В отделении ФСБ, продолжавшем разрабатывать Запорожского, появлялись все новые данные, свидетельствующие о том, что он – бывший «крот» и, занимая должность заместителя начальника американского отдела СВР, работал на ЦРУ.

Но в это время, о, удача для Запорожского! – на Запад сбежали два его сослуживца, сотрудники внешней разведки Третьяков и Торопов. Перебежали, даже не пытаясь изображать из себя лиц, преследуемых по политическим мотивам.

Для Запорожского – это был подарок: вот они – предатели, а я – хороший!

Хороший, да, ты хороший, сделали вид в отделении ФСБ, продолжавшем заниматься его разработкой. И Запорожский ничего не заподозрил, когда в 1999 г. посетил Россию, прибыв из Соединенных Штатов...

Визит был с дальним прицелом.

Во-первых, надо было убедить всех в своей незапятнанности: если б он был виновен в чем-то, то разве решился на поездку?

А во-вторых, ЦРУ затеяло с ФСБ многоходовую игру, где главная роль отводилась Запорожскому.

«Скиф» должен был выполнять роль наводчика на действующих и готовящихся к вступлению в должность и выезду за границу выпускников Академии СВР. Для этого требовалось поддерживать старые связи, заводить новые знакомства. Из заокеанского далека это сделать было невозможно.

По заданию своих шефов из ЦРУ Запорожский и рискнул сделать такой пристрелочный визит в Россию летом 1999 г.

* * *

Все сложилось замечательно: бывшие коллеги его облобызали и отпустили обратно. А спустя два года, когда ФСБ собрала основательную доказательную базу о его работе в пользу ЦРУ, Запорожского пригласили в Москву. И повод нашелся подходящий – 30-летие образования одного из управлений СВР.

«Приезжай, Саша, – сказали ему бывшие соратники, – посидим за столом, выпьем, вспомним былое. А если проспонируешь праздник, то честь тебе и хвала!»

Именно этот, тонко просчитанный контрразведкой призыв стать спонсором, и убедил окончательно «Скифа» в том, что он вне подозрений. Запорожский не стал мелочиться и

деньги привез, причем, не только на праздник – у него был целый список сотрудников, которых он собирался премировать индивидуально. Для затравки, с дальним прицелом...

...В Шереметьево-2 Запорожский прилетел 9 ноября 2001 г. Из самолета вышел последним. И страшно оскорбился, когда на его «щедро дающих» руках защелкнулись наручники...

Следствие длилось 18 месяцев. Коллегия Военного суда приговорила Запорожского к 18 годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии строгого режима. Трудно сказать, встретил бы «крот» свой 70-летний юбилей на нарах – ведь в тюрьме уголовники к шпионам относятся еще хуже, чем к педофилам и насильникам несовершеннолетних девочек. Однако на его удачу в июле 2010 г. он в числе других предателей был обменен на группу наших разведчиков-нелегалов, проваленных изменником отставным полковником СВР Потеевым.

Глава четвертая. Агент ФБР «столичного» разлива

Вашингтонская резиденатура

В начале 1980-х гг. резиденатура КГБ в прямом смысле слова находилась под крышей посольства СССР в Вашингтоне, а ее глава руководил операциями с верхнего этажа каменного посольского особняка, который построила в начале века, хотя никогда там и не жила, г-жа Джордж М. Пульман, вдова магната, занимавшегося производством спальных вагонов для железных дорог. Это прямоугольное четырехэтажное здание было приобретено у нее под посольство последним царским правительством и по наследству перешло к советским дипломатам.

Все окна особняка были наглухо задраены. Фотография посольства в доме № 1125 на 16-й улице – всего в трех кварталах от Белого дома – неизменно появлялась в качестве иллюстрации к статьям в прессе о работе КГБ в Вашингтоне в частности, и в США вообще. Под снимком – дежурная подпись: «Шпионское гнездо».

Это весьма помогало направить мыслительный процесс американского налогоплательщика в нужное спецслужбам русло.

Для обывателя это было заколдованное место. На крыше небольшого посольского особняка, зажатого с двух сторон высокими зданиями, действительно устрашающе смотрелись многочисленные пауки антенн, в том числе и спутниковой связи.

Нередко сотрудникам посольства, как «чистым» дипломатам, так и «сидящим под корягой» – действующим под дипломатическим прикрытием разведчикам, доводилось слышать от вашингтонских аборигенов, что с соседних крыш американские контрразведчики – сотрудники ФБР – бомбардируют наше здание электромагнитными импульсами, чтобы прослушивать разговоры в помещениях и по стучу пишущих машинок считывать документы.

Кроме того, внутри здания работали наши собственные электронные системы защиты. К примеру, кабинет резидента, как и положено, представлял собой бронированную комнату (на оперативном аргю «подлодку») в комнате обычной, вокруг которой действовало электромагнитное поле. Разумеется, с точки зрения здоровья, особенно мужской потенции, все это было далеко небезопасно.

На четвертом этаже, в четырех тесных комнатках трудились около 40 офицеров резиденатуры КГБ.

Каждый отдел – политическая разведка, внешняя контрразведка, научно-техническая, а также оперативно-техническая разведка – решал свои конкретные задачи.

На секретный этаж вел один вход, и его защищала прочная стальная дверь, имевшая цифровой код.

В помещение запрещалось входить в пиджаке или пальто. Эта мера безопасности была направлена против попыток возможных «кротов» тайком пронести миниатюрную фотокамеру.

Все кабинеты были экранированы, чтобы исключить прослушивание ведущихся внутри разговоров.

Что касается автомобилей, принадлежавших нашим дипломатам, как «чистым», так и «подснежникам», то их багажники взламывались с неизменной регулярностью. Хотя, справедливости ради, надо признать, что при этом ничего не похищалось. Сам по себе этот факт свидетельствовал, что взломщики были «ведомственными».

Массу неудобств для наших разведчиков создавала и планировка Вашингтона, который представляет собой прямоугольник, поделенный на квадраты. Машинам ФБР очень удобно следовать за наблюдаемым объектом по параллельным улицам...

...Объектом особого внимания местной контрразведки был престижный многоквартирный дом в богатом вашингтонском пригороде Чевингтон, где проживали служащие советского посольства и сотрудники резидентуры.

Дом, он же жилой комплекс под названием «Айрин», был государством в государстве. Видеокамеры и швейцары дено и ношно несли охрану у входных дверей.

Репортеры бульварной газеты «Нэшнл инквайерер», да и респектабельной «Вашингтон пост», в поисках сенсационных документов неоднократно проверяли содержимое мусорных пакетов, которые выставлялись по утрам у «Айрин».

Идея покопаться в чужой помойке не была оригинальной, так как изучением советского мусора не гнушалась и американская контрразведка. С практической точки зрения делать это сотрудникам ФБР было очень удобно, так как советские дипломаты, журналисты и разведчики свои полиэтиленовые мешки выносили во двор, где стояли контейнеры, откуда их регулярно изымал спецгрузовичок, разумеется, состоявший на балансе ФБР...

В «Айрин» не сдавали квартиры жильцам с собаками, кошками и малолетними детьми. Жильцы были обязаны застелить $\frac{3}{4}$ квартиры коврами, чтобы не беспокоить соседей с нижнего этажа. Все прегрешения жильцов фиксировались в отдельной карточке, которая хранилась в управлении домом вместе со второй связкой ключей.

Строгий порядок соблюдался и во многом другом. На Рождество, например, жильцам присылали список обслуживающего персонала дома с указанием счета, на который надо было перевести деньги в качестве вознаграждения.

Однако этот строгий порядок не мешал сотрудникам американских спецслужб в любое время проникать в облюбованную ими квартиру. «Домушники» по должности, они беспардонно оставляли следы своей любознательности в отсутствие временных хозяев: окурки в пепельнице, сдвинутые с привычных мест вещи, пятна на ковре.

Однажды жена резидента Станислава Андросова, войдя в свою квартиру, обнаружила клубы сигарного дыма, плотно застилавшие все пять комнат. Очевидно, те, кто посетил апартаменты, ретировались так поспешно, что не успели проветрить помещение.

Вызванный комендант дома невозмутимо заметил, что впредь сигарного дыма не останется. Что ж, и на том спасибо!

Советские граждане, обитатели «Айрин», постоянно ощущали на себе присутствие «кокона» – наружного наблюдения, – не покидавшего их ни днем, ни ночью. Настоящая война нервов.

Всем нашим гражданам было рекомендовано при выходе из дома никогда не возвращаться, ибо это могло быть расценено «топтунами» как проверка их бдительности, что, в свою очередь, могло бы вывести их из равновесия, а это уже было чревато изрезанными покрышками на арендованном автомобиле и еще Бог весть чем!

...Как-то утром, на третий месяц проживания в «Айрин», жена Андросова, спустившись в гараж, вдруг вспомнила, что ключи от машины оставила на прикроватной тумбочке. Не медля ни секунды, поспешила к лифту.

Первое, что она увидела, войдя в спальню... башмаки как минимум сорок восьмого размера, торчавшие из-под кровати. Лежавший там «Гулливвер» пытел и чертыхался. Работал он с таким усердием, что даже не услышал, как за нею захлопнулась входная дверь...

Мгновенно оценив ситуацию, женщина рискнула и бесшумно – благо напольный ковер скрадывал шаги – подкралась к тумбочке, схватила ключи и исчезла, как призрак.

Только в лифте она вспомнила наставления мужа. Возникли и вопросы: фэбээровец что-то искал под кроватью или же устанавливал там какую-то спецаппаратуру?!

Из майора КГБ – в агенты ФБР

Объектами особого внимания ФБР всегда были вновь прибывшие из СССР сотрудники посольства. Основная задача Бюро на первом этапе – выяснить, кто они, – «чистые» дипломаты или же «подснежники» – те, для кого дипломатический статус был прикрытием для отправления своих основных, читай: разведывательных обязанностей.

Майор КГБ Сергей Моторин (сын секретаря Томского обкома КПСС) исключением для Вашингтонского отделения ФБР не стал. Не прошло и шести месяцев с тех пор, как он приступил к исполнению служебных обязанностей в резидентуре, и американцы решили «потрогать его за вымя» – выяснить его ценностные ориентиры, уровень профессиональной подготовки, опыта работы и т. д. Попали в «десятку». Став жертвой шантажа со стороны фэбээровцев, Моторин был завербован ими на... водке.

Американские контрразведчики проследили за Моториным, когда тот, явившись в магазин, торгующий электроникой в пригороде Вашингтона, попытался приобрести в кредит дорожный телевидеомоноблок.

Хозяин магазина, агент американской контрразведки, просьбу Моторина отклонил, но о визите молодого русского дипломата и о его затруднительном финансовом положении немедленно сообщил своему оператору.

Фэбээровцы на скорую руку сверстали план ловушки.

Было так.

Владелец магазина позвонил Моторину и предложил бартер: часть стоимости электроники (950 долларов) он согласен получить натурой – водкой «Столичная», которую дипломат приобретет через посольство по 4,5 доллара за бутылку (цена водки в американских магазинах равнялась \$12).

Моторин предложение принял. Когда он, обменяв (!) дюжину ящиков «Столичной» на вожделенный моноблок, погружал его в машину, появились фэбээровцы с видеокамерами в руках. Они вежливо, но жестко напомнили ему, что он является нарушителем американского и советского законодательств и если делу будет придан ход, то его попросту выдворят из страны.

Казус предложили замять в ответ на согласие выполнить парочку конфиденциальных поручений. Уезжать, ох, как не хотелось, и Моторин согласился...

Особенности «съема» шпиона-супермена

На ФБР «Гоз» – под этим псевдонимом Моторин проходил в секретных платежных ведомостях американской контрразведки – проработал около года.

В конце 1984 г. он вернулся в Союз и приступил к работе в управлении «А» (активные мероприятия) ПГУ. Установленное за ним наблюдение результатов не дало, так как еще в США он условился со своими кураторами из ФБР, что в Москве на связь выйдет только в экстраординарном случае. Чтобы взять изменника с поличным, была разработана операция, согласно которой ему поручили подготовить активное мероприятие против сотрудников московской резидентуры ЦРУ. Для этого ему вручили документы, якобы полученные в Вашингтоне агентурным путем. Когда Моторин попытался выйти на контакт с американским разведчиком на проспекте Мира, его «сняли» бойцы «Альфы».

В момент «съема» у Моторина обнаружили контейнер с секретными материалами, который он собирался передать американцу.

* * *

При подготовке «съема» Моторина ответственный за проведение мероприятия заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Зайцев, прежде всего, учитывал психологию объекта. Психологию супермена, коим тот себя считал. Самомнение небезосновательное: рост 192 см, атлетическое телосложение, каждое утро забавлялся, как теннисным мячиком, двухпудовой гирей, к тому же владел приемами карате. Вылитый Шварценеггер! Уж он-то с полным основанием мог сказать о себе: *«Я – здоров, чего скрывать, пятаки могу ломать...»*

Вместе с тем Зайцев не мог сбрасывать со счетов моральное состояние Моторина. Двигаясь на встречу с американским разведчиком, он наверняка будет начеку, в каждую секунду готовый к отражению возможной атаки. У него же, что называется, «все импульсы наружу»!

Поэтому, прежде всего, надо было усыпить бдительность объекта. Подойди к нему гренадеры, сродни ему, он, учуяв опасность, мог бы свалку устроить, глупостей наделать. А вот этого «Альфа» позволить себе не могла ни при каком раскладе!

Изюминка «съема» Моторина состояла в том, что к нему должны были приблизиться не Шварценеггеры, а тщедушные прохожие. Разумеется, только внешне тщедушные.

...Когда Зайцев представил отобранных для «съема» бойцов генералу из руководства Управления «К» ПГУ, тот возмутился:

«И что, – завопил чин, указывая пальцем на одного из бойцов, – вот этот мальчишка справится с гренадером Моториным?! Да он – культурист, разметает вас всех, как котят!»

Еще как справились – пикнуть не успел, как его спеленали!

Принцип бойцов «Альфы»: «порхать, как бабочка, и жалить, как пчела». Но при этом сначала работает голова, а руки и ноги вступают в бой потом. Хотя и голова при этом не дремлет.

«Снять» объект – это еще не все, это лишь начало. Мало провести задержание без шума и без пыли, главное – усадить перевертыша лицом к лицу со следователем еще до того, как он успеет опомниться и прийти в себя от шока. Лишь в этом случае он без промедления начнет давать правдивые показания.

Вот где профессионализм высшей – 999-й – пробы! «Шоковая терапия», которой в совершенстве владеют бойцы «Альфы», – искусство, а не конвульсивное подергивание руками и ногами.

Кстати, приемы «шоковой терапии» до сих пор строго засекречены. Оно и понятно: шпионаж, он ведь еще не упразднен, ну и «съемы» продолжают.

...Как признался следователь Добровольский, который вел дело Моторина, в его практике не было случая, чтобы обвиняемый в шпионаже перевертыш в качестве своего оправдания привел какие-то другие, кроме идеологического, мотивы. Лишь один – Сергей Моторин сказал как на духу:

«Ну, что поделаешь, дал слабину, польстился на классную аппаратуру... За это и ответ держу...»

Следствие доказало факт сотрудничества Моторина со спецслужбой США, а Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его за измену Родине к расстрелу.

Глава пятая. Горький аромат предательства

Триедин в одном лице

Командировка подполковника Мартынова Валерия Федоровича в Вашингтон по линии «НТР» (техническая разведка) считалась очень престижной и давала шанс сделать в разведке блестящую карьеру.

На восточном побережье США расположено множество исследовательских лабораторий, промышленных фирм, информационных центров и библиотек, используя которые молодой и предприимчивый офицер мог получить интересующие нас научно-технические материалы. Здесь часто проводились конференции и презентации, их посещение или участие в них открывали широкие возможности по установлению полезных с точки зрения разведки контактов.

Имея такие перспективы, амбициозный подполковник не сомневался в своем светлом будущем. Тем более что был он, в отличие от Моторина, готового поволочиться за любой приглянувшейся барышней, трудяга и усердно «пахал» вашингтонские просторы. Вместе с тем был он неопытен, что проявилось в 1982 г. на научной конференции при установлении им контакта с американским «ученым». Мартынов, не заметив, как попал в расставленные сети – стал фигурантом совместной операции ФБР и ЦРУ «Courtship», целью которой являлась вербовка советских граждан, работавших в Вашингтоне.

Считая своего нового знакомого перспективной оперативной связью, Мартынов стал развивать с ним отношения.

Активную разработку Мартынова американцами не заметили и в московском Центре, скорее всего, потому, что молодой разведчик был весьма убедителен в своих отчетах, умело преподносил прогресс в развитии отношений со своим новым «другом». Тем временем отношения Мартынова с «ученым» углубились настолько, что американцы решили «пора!» и перешли в наступление, в результате которого подполковник был завербован.

ФБР приобрело в его лице агента под псевдонимом «Pimenta», ЦРУ – «Gentile», а если учесть еще и рабочий позывной подполковника – «Павел» – то выходит, Мартынов стал триедин в одном лице.

...Американцы, чтобы подсластить пилюлю, предложили «новобранцу» увенчать знакомство с «ученым» его «вербовкой», сделав его своим «агентом», через которого они смогли бы «гнать дезу» советской стороне. Передаваемая через «ученого» информация будет достаточно привлекательна и сумеет убедить московский Центр, что Мартынов добился безусловного оперативного успеха. Тот не возражал и в течение следующих трех лет исправно, каждые две недели встречался с сотрудником ЦРУ Родом Карлсоном и специальным агентом ФБР Джимом Холтом. Встречи проводились на различных конспиративных квартирах, всего их было более пятидесяти, в основном в той части штата Вирджиния, которая носит название «Кристалл-сити».

Действительно, по прошествии года усилия ФБР по дезинформации Центра с помощью «ученого» увенчались успехом: вскоре Мартынов был назначен руководителем линии «Х» резидентуры.

Мартынов отчитывался перед американскими работодателями о деятельности резидентуры за истекший период, включая результаты операций и их оценку Центром, сообщал о полученных из Москвы указаниях, не забывая сдабривать их сплетнями и байками, циркулировавшими в Ясенево. Он также давал ФБР наводки на возможных кандидатов вербовочных подходов и разработок.

Часть передаваемой противнику информации Мартынов черпал из висящей на стене у кабинета резидента Андросова карты Вашингтона, где отслеживалась текущая оперативная обстановка, в частности, результаты перехватов переговоров бригад наружного наблюдения ФБР и места их рассредоточения.

Судьба резидентуры поставлена на карту

Станислав Андреевич Андросов на пост главы вашингтонской резидентуры был назначен в 1982 г., главным образом, благодаря своим дружеским связям с Владимиром Крючковым, в то время начальником Первого главного управления КГБ (внешняя разведка).

Крючков руководил ПГУ уже одиннадцать лет и за это время значительно политизировал его. Двигаясь к этой цели, он вынудил уйти в отставку нескольких заслуженных ветеранов разведки, таких, например, как Борис Соломатин, заменив их преданными ему бывшими партийными функционерами, пришедшими в органы госбезопасности в результате так называемого «партийного набора». Именно эти «варяги», исходя из опыта прежней работы, способствовали тому, что вскоре была предана забвению одна из основополагающих заповедей разведки: «Шпион – не бюрократ. Его дело – добывать документы, а не красиво составлять их». Бывшие партийные чинуши, возомнив себя Лоуренсами Аравийскими и Рихардами Зорге, переставили все с ног на голову, и, надо сказать, многие из них преуспели и возвысились, имея бойкое перо вместо оперативного дара.

Андросова считали клеветом Крюčkова, и многие находившиеся под его началом профессионалы, истоптавшие десятки пар башмаков на крысиных тропах разведки, смотрели на него с презрением, отчасти из-за нелепого инцидента, продемонстрировавшего всему личному составу резидентуры профессиональную несостоятельность их руководителя.

В конце 1983 г. Андросову взбрело в голову установить возле своего кабинета огромную карту Вашингтона. Каждому сотруднику, покидающему посольство, предписывалось отмечать булавкой на карте то место, куда он направлялся. Теперь резидент, окинув карту беглым взглядом, мог в любой момент установить, где находятся его бойцы. Эту, заведомо негодную инициативу, Андросов реализовал без согласования и в отсутствие полковника Черкашина Виктора Ивановича, который отвечал за контрразведывательное обеспечение деятельности резидентуры.

В марте 1984 г. Черкашин вернулся из отпуска и при виде карты пришел в ужас.

«Если среди наших сотрудников заведется «крот», то ему достаточно будет каждое утро смотреть на карту, и ФБР будет абсолютно точно знать, где в этот день работают наши люди!» – возмутился Черкашин.

Однако после пятнадцатиминутной перебранки он понял, что резидент не в силах расстаться со своей идеей и будет носиться с нею до полного изнеможения, как обезумевшая от горя мать с мертворожденным ребенком.

Слова Черкашина оказались пророческими, и очень скоро он сумел доказать резиденту собственную правоту.

Дело в том, что полковнику были известны радиочастоты, которыми пользовались в вашингтонском отделении ФБР для поддержания связи с «топтунами», находящимися на «маршруте», то есть ведущими слежку за офицерами резидентуры.

Слушая переговоры по радио центральной диспетчерской службы Бюро со своими «топтунами», подчиненные Черкашина – сотрудники отдела собственной безопасности – всегда знали, за кем есть «хвост», а за кем его нет.

Проанализировав все сводки радиопереговоров более чем за год, Виктор Иванович пришел к заключению, что до мая 1982 года ФБР не знало точно, кто именно из служащих посольства является сотрудником КГБ, кто офицером ГРУ, а кто «чистым» дипломатом. Когда в

какой-либо из дней ФБР устанавливало слежку за десятью нашими дипломатами, только четверо из них оказывались разведчиками.

Однако с мая процент попадания в «десятку» у ФБР резко увеличился. Самое худшее было то, что нередко «наружка» объявлялась в условленном месте даже раньше нашего разведчика!

Объяснение складывающейся ситуации для Черкашина было очевидно: противнику удалось осуществить агентурное проникновение в резидентуру. И главным свидетельством тому была адресная организация слежки ФБР за нашими разведчиками.

Своими соображениями полковник немедленно поделился с резидентом, но понимания не встретил. Андросов с порога отверг гипотезу, что среди сотрудников действует «крот», и тогда Виктор Иванович провел эксперимент.

На следующее утро на общем совещании он объявил, что к булавкам на карте будет добавлена еще одна. Ею будет обозначен некий «особо законспирированный» разведчик, в настоящее время работающий в посольстве под надежнейшим прикрытием и выполняющий чрезвычайно ответственное задание Центра. Никто, кроме посла, резидента и его заместителя по контрразведке якобы не знает, кто из сотрудников является этим «суперразведчиком».

Черкашин также оповестил всех, что каждый день будет лично отмечать его местонахождение, чтобы другие сотрудники невзначай не привели фэбээровских ищеек туда, где он работает.

В течение следующей недели Виктор Иванович усердно перемещал спецбулавку по карте. Разумеется, на самом деле никакого «секретного человека из Центра» не было и в помине, ибо делалось все исключительно в проверочных целях.

Через три дня после начала эксперимента по радио был перехвачен разговор между бригадой фэбээровской «наружки» с центральной диспетчерской. «Топтуны» ожидали «спецсотрудника» на том самом месте, которое Черкашин отметил булавкой. Туда они прибыли, получив задание сделать фотоснимки нового сотрудника резидентуры.

Теперь Черкашин имел на руках все козыри, чтобы убедить резидента, что его идея с картой в корне ошибочна и, кроме вреда, ничего не приносит. Бесспорной оказалась и гипотеза полковника, что ФБР внедрило в резидентуру своего «крота». Но кто он? Черкашин составил перечень всех сотрудников, работавших в мае 1982 г., и сопоставил его со своим собственным рабочим списком. Имя Валерия Мартынова явно выделялось.

В апреле 1984 г. Черкашин представил Андросову множество косвенных доказательств того, что «кротом» может быть Мартынов, а к концу месяца составил проект телеграммы на имя Крючкова о ситуации, сложившейся в резидентуре. В тексте отсутствовали какие-либо фамилии сотрудников, подозреваемых в принадлежности к агентуре ЦРУ и ФБР, не было и предложений по их выявлению. Просто излагались результаты проведенного изучения материалов перехватов радиообмена бригад наружного наблюдения ФБР (но без ссылки на эксперимент!) и найденных радиомаяков в машинах оперработников.

Выводы напрашивались сами – ФБР располагало информацией, которую не могло получить на основе исключительно слежки за нашими разведчиками, а лишь с помощью «крота», инфильтрованного в коллектив резидентуры.

Ознакомившись с телеграммой, Андросов тихо произнес:

«Виктор Иванович, не обвинит ли нас Центр в шпиономании и разжигании атмосферы недоверия в разведке? Боюсь, что наши соображения не найдут понимания и поддержки... Мое предложение – не отправлять телеграмму, а подождать до мая, когда из Москвы придет с плановой проверкой один из заместителей Крючкова. Вы как, не против?»

На том и остановились

Когда приехал проверяющий, Черкашин поначалу чувствовал себя окрыленным, полагая, что тот оценит сделанные им разоблачения, но вместо этого заместитель Крючкова схватился за голову и завопил:

«Вы что, черт подери, не знаете, что сейчас творится в Москве?! Да если наружу хоть слово просочится о том, что в вашингтонской резидентуре действует американский шпион, карьере Крючкова тут же придет амбец, да и весь Первый главк будет опозорен! Вы забыли, что разведка никогда не выносит дерьмо из собственной избы?! Уж лучше пусть кто-то нагадит внутри, чем наружу!»

Черкашин понял, что паркетные генералы хорошо воюют только под ковром, но так как изменить что-либо было не в его силах, он, мысленно послав резидента и проверяющего в общероссийском направлении, внешне смирился и уступил.

Ларчик открывался просто: двумя месяцами ранее умер Юрий Владимирович Андропов, и Крючков остался без могущественного покровителя. Генеральным секретарем ЦК КПСС избрали давнего соперника Андропова – Константина Черненко, и Крючков был очень обеспокоен тем, что ему придется оставить пост главы внешней разведки, так как знал, что Черненко готов избавиться от него при малейшем промахе.

В итоге посиделки в кабинете Андросова закончились тем, что заместитель Крючкова велел перевести Мартынова на участок работы, где бы он был лишен допуска к засекреченной информации (легко сказать, но ведь воплотить в реальность это указание невозможно!), и в конце концов – отправить негодяя в Москву, чтобы там с ним разобрались по-тихому.

Таким образом, дворцовые интриги, которые плели Крючков и его приспешники, заставили всех офицеров вашингтонской резидентуры (только ли их одних?!) в течение последующих почти полутора лет ходить по острию лезвия, а изменнику позволили снабжать своих американских хозяев оперативно значимой информацией.

Отозвать предателя в Москву под благовидным предлогом не представлялось возможным, поэтому Виктору Ивановичу ничего не оставалось, как ждать удобного случая...

* * *

Спустя десятилетия полковник Черкашин дал свою оценку казусу с Мартыновым:

«Допускаю, что Мартынов полностью не представлял себе возможных последствий своих действий. По мнению ФБР и ЦРУ, он пошел на сотрудничество с ними из-за идеологических расхождений с политикой СССР. Он также не был удовлетворен своей работой в разведке и вынужден был «терпеть» ее из-за привилегий, которые, как он считал, ему заслуженно полагались.

Американцы платили Мартынову 200–400 долларов в месяц, что дает основание предположить, что деньги не были основным мотивом его предательства. В действительности его главной целью было сделать карьеру в системе КГБ, в полной мере обеспечить свою семью, дать детям хорошее образование, чего, как он рассчитывал, можно добиться, сотрудничая с американцами. Говоря проще, он находил вполне приемлемой сделку по схеме: предательство Родины – благополучие семьи. Шпионаж для Мартынова был разновидностью бизнеса, который, полагал он, никогда не будет раскрыт. Он был уверен, что советская разведка просто не в состоянии вербовать в США агентов, способных выявить факт его связи с ЦРУ и ФБР.

Мартынова вряд ли можно характеризовать как особо ценного агента для американских спецслужб. Не считая сведений общего характера и того, что он знал о работе линии «Х» в резидентуре (а она, линия, не была основным объектом внимания ЦРУ и ФБР), Мар-

тынов имел весьма ограниченный доступ к интересующей американцев информации. Передаваемые им материалы не имели никакого отношения к вопросам национальной безопасности или международных отношений СССР. Разведывательная информация, которую он сообщал в ЦРУ и в ФБР – расположение, структура, численный состав резидентуры, режим ее работы и т. п., представляла интерес только разве что для действовавших против нас контрразведывательных подразделений ФБР.

И последнее: горькая ирония предательства Мартынова заключалась в том, что довольно жесткий и подчас эффективный контрразведывательный «прессинг» ФБР затруднял нам вести разведывательную работу в Вашингтоне, а это отражалось на положительных результатах резидентуры и, как следствие, ограничивало и его, «крота», собственную шпионскую деятельность, а значит, и размер его гонорара. Тем не менее американцы возлагали большие надежды на то, что Мартынов продолжит работать с ними и в будущем, когда займет более высокое место в иерархии советской разведки.

Когда Эймс в мае, а Хансен в октябре 1985 г. подтвердили мои догадки о предательстве Мартынова, я был потрясен, поняв, что он и является тем «кротом», поисками которого я занимался более года. Действительно, с мая 1982 г. ФБР стало устанавливать слежку целевым порядком и только за сотрудниками резидентуры, оставив в покое «чистых» дипломатов. Стало ясно, что Бюро располагает точной информацией о ведомственной принадлежности служащих советского посольства.

Вместе с тем, сознание того, что я был прав в моих подозрениях относительно внедренного в резидентуру «крота» противника, не принесло мне никакого удовлетворения – только горечь и напряжение. Горечь оттого, что теперь мне придется жить и работать с мыслью, что мой товарищ по службе, который мне даже нравился, продавал меня и всех нас в резидентуре вот уже в течение трех лет.

Несколько месяцев я бился над проблемой, под каким предлогом отправить Мартынова в Москву.

Самый простой вариант – отпуск. Но он только недавно из него вернулся. Поэтому отправить его в отпуск снова было бы глупо, это вызвало бы у него обоснованное подозрение. Имелись и другие варианты, например, получение награды в Центре за хорошие показатели в работе либо необходимость присутствия в Москве для решения каких-то неожиданно свалившихся семейно-бытовых проблем. Но дело все в том, что разведчик-профессионал Мартынов был прекрасно осведомлен о таких приемах нашей контрразведки. Он распознает малейшую фальшь или несуразность предложения вылететь в Москву и тут же рванет в ФБР.

Кроме того, затруднительно было контролировать действия членов его семьи, поскольку они все вместе проживали вне жилого комплекса «Айрин», арендуя квартиру в пригороде Вашингтона, и в случае опасности могли быстро исчезнуть.

Следовало также считаться с возможностями американского «хозяина» Мартынова – ФБР, которое постоянно отслеживало обстановку вокруг своего агента, и незамедлительно приняло бы исчерпывающие меры по его спасению, появившись на его горизонте что-либо подозрительное.

Вернувшийся из отпуска резидент присоединился к моим поискам вариантов надежной доставки Мартынова в Москву. Наши предложения мы направили в штаб-квартиру ПГУ, где тоже ломали голову над этой проблемой.

Одна из идей состояла в передаче Мартынову на связь агента, проживающего в Мексике, – там изменника было бы легче нейтрализовать и вывезти в СССР. Но в итоге мы отказались от этой идеи – все выглядело нелогично и искусственно, а значит, подозрительно. Ибо если бы в самом деле речь шла о передаче на связь Мартынову нового источника, об этом, учитывая существующую практику, с ним должны были говорить во время его недавнего пребывания в Москве. С другой стороны, даже если бы мы смогли реализовать эту идею с Мек-

сикой, ФБР, несомненно, организовало бы какую-нибудь схему защиты его там. Для начала, например, американцы держали бы его под постоянным наблюдением, предусмотрев для предателя сигналы в случае грозящей ему опасности.

Маскируя нашу осведомленность о двурушничестве Мартынова, мы, к сожалению, не имели права ограничить его доступ к секретной информации, а остальные сотрудники резидентуры не получили каких-либо указаний по соблюдению повышенных мер безопасности. Не произошло никаких изменений и в устоявшемся распорядке работы резидентуры. Все шло как обычно, и Мартынов, как всегда, получал всю оперативную почту, поступающую в Вашингтон по линии «Х». Он также мог вести любые разговоры на темы, интересующие его американских боссов, со своими коллегами по резидентуре, которые, увы! не догадывались об истинных целях инициатора этих разговоров.

Опыт подсказывал мне продолжать придерживаться прежней линии поведения в отношении предателя, если я не хотел проиграть в этой схватке со спецслужбами противника.

В общем, резидент и я более чем на полгода замерли в ожидании удобного, а главное – оправданного повода, чтобы под убедительным для американцев предложением отправить Мартынова в Москву.

Как вдруг у ворот жилого комплекса посольства возник Юрченко, и я почувствовал, что Фортуна не только повернулась ко мне лицом, но и схватила меня за руку – ведь теперь я знал, как отправить в Москву предателя Мартынова! Да-да, негодяя и горе-перебежчика Юрченко будет этапировать в столицу нашей Родины не кто-нибудь, а разведчик резидентуры, пользующийся огромным доверием и наделенный большими полномочиями – Валерий Федорович Мартынов! Ну, уж вам, коллеги из ФБР и ЦРУ, никогда не догадаться о наших истинных планах – лишь бы, не дай Бог, самому себя на радостях не выдать!

Следующие два дня были самыми напряженными. Я должен был проследить, как Юрченко поднимется на борт специально за ним присланного самолета «Аэрофлота», и что рядом с ним будет находиться Мартынов.

Как вдруг 7 ноября, за два дня до запланированного возвращения Юрченко домой, Мартынов на несколько часов исчез из помещения резидентуры...

Меня пробила легкая дрожь. Успокоил я себя тем, что Мартынову необходимо получить напутствия от своих операторов, после чего он непременно вернется. Так и случилось. К концу рабочего дня Мартынов появился в посольстве и внешне казался невозмутимым. Тем не менее ночью я глаз не сомкнул. Имитировал Мартынов свое спокойствие? Для чего – чтобы поверили, что ничего необычного не происходит? Может быть, он планирует сбежать на следующий день?!

Разумеется, для меня было естественно предположить, что Мартынов размышляет о причинах, побудивших руководство резидентуры включить его в команду по сопровождению Юрченко. А может, его спокойствие объясняется тем, что он знает: он ни в коем случае не поднимется на «борт», улетающий в Москву?!

Сомнения, сомнения, сомнения...

...Прибыв в аэропорт, автобус без каких-либо препятствий подъехал прямо к самолету. Уезжающие стали прощаться. Ко мне, улыбаясь, подошел Мартынов и протянул руку. Я, пожимая ему руку, по привычке воспитанного человека смотрел ему в глаза. Ни один мускул не дрогнул на моем лице, впрочем, и на его тоже – он по-прежнему улыбался во весь рот...

Это был самый тяжелый случай за все время моей работы в разведке. Мартынов, этот милый, уравновешенный и улыбающийся человек, которого мы с женой любили, как родного, – летит на смерть. Должен ли я был так поступать, притворяясь и разыгрывая добросердечие?!

«Хватит, Виктор, слюни пускать! Мартынов – враг, предатель. А ты должен исполнять свой воинский долг!» – прикрикнул я внутренне на самого себя.

... Во время полета Мартынов, изрядно выпив и захмелев, без конца донимал сидящего через проход пресс-секретаря посольства одним и тем же вопросом:

«Олег Юрьевич, как вы думаете, за благополучную доставку в Москву перебежчика, с которым я вынужден сидеть рядом, мне положен орден или медаль?»

«Я совершенно не знаком с положениями, которыми руководствуется ваше начальство при награждении своих сотрудников, но полагаю, что поощрения вы заслуживаете...»

«Вы, Олег Юрьевич, ответили как настоящий дипломат, спасибо!»

... По пути в Москву самолет, как обычно, сделал посадку в аэропорту Шеннон в Ирландии для дозаправки. Обычно пассажиры ожидают окончания этой процедуры в здании аэропорта.

«Отставить! Только не в этот раз!» – приказал сотрудник резидентуры КГБ в Ирландии, одетый в форму пилота «Аэрофлота».

Спустя десять часов, 9 ноября самолет благополучно приземлился в Шереметьево-2.

Мартынов, как только вышел из самолета, был «снят» бойцами группы «Альфа» и доставлен в Лефортовскую тюрьму.

Двумя неделями позже жене Мартынова сообщили, что ее муж сломал ногу и находится в больнице. Первым же рейсом вместе с детьми она вылетела в Москву.

«Черт! – подумал я. – Теперь штатники поймут, что их агент раскрыт и арестован».

Но, как выяснится позже, ничего подобного им в голову не приходило.

ФБР узнало об аресте своего «крота» лишь год спустя. Джим Холт, у которого на связи и находился «Gentile», рассказал мне позже, что Бюро стало проявлять беспокойство в связи с его исчезновением лишь весной 1986 г. и, наконец, узнало о его аресте осенью от своего осведомителя. В ФБР была создана специальная комиссия из шести членов под кодовым названием «Anlace», чтобы разобраться в причинах провала Мартынова, Моторина и других своих агентов. Но в сентябре 1987 г. после десяти месяцев безрезультатных усилий обнаружить источник утечки информации, приведший к их аресту, комиссия была распущена.

Я находился уже в Москве, когда над Мартыновым шел суд, и был вызван в качестве свидетеля обвинения. Он признал себя виновным и дал исчерпывающие показания относительно своей шпионской деятельности.

После того как изменник был расстрелян, я вместе с рядом других офицеров ПГУ (исключая, разумеется, резидента Андросова) получил выговор за недостаточную бдительность, не позволившую своевременно разоблачить американского агента в вашингтонской резидентуре. Это – единственный выговор в моем личном деле за сорок лет службы в органах государственной безопасности СССР».

Глава шестая. Рекордный забег «Крота»

Мечь – холодное блюдо, со сроком годности 25 лет

7 июля 1986 г. на одной тихой московской улочке бойцами «Альфы» был «снят» генерал-майор в отставке Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР Дмитрий Федорович Поляков, когда он в парадном мундире при всех регалиях направлялся в Военно-дипломатическую академию, чтобы произнести напутственное слово очередным выпускникам, будущим военным разведчикам. Какой фарс! Нет, не фарс – трагедия. Ведь через некоторое время досье на всех этих выпускников генерал, в иночестве – агент «Топхэт» и «Бурбон», передал бы в США своим хозяевам. И участь цвета нашего офицерства была бы решена в ФБР или ЦРУ...

Дмитрий Поляков служил американцам не потому, что стал жертвой шантажа и собственного малодушия, отнюдь. Генерал был предателем по убеждению.

Отвергая политические ориентиры советского правительства времен хрущевской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предает забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Были и другие, более тривиальные причины, побудившие подполковника, а со временем – генерал-майора, служить сначала американской контрразведке – ФБР, а затем Центральному разведывательному управлению.

Тщеславие все двадцать пять лет, что он «таскал каштаны из огня» для американцев, подпитывало его рвение на шпионском поприще.

А основным побудительным мотивом, толкнувшим Дмитрия Полякова в объятия американских вербовщиков, была мечь. Мечь за погибшего младенца-сына...

* * *

В ноябре 1961 г., когда Поляков работал в нью-йоркской резидентуре ГРУ, в Соединенных Штатах свирепствовала эпидемия гриппа. Младший из его трех сыновей простудился, получил осложнение на сердце, спасти его могла только срочная дорогостоящая операция. Поляков обратился к руководству резидентуры за материальной помощью, чтобы сына прооперировали в нью-йоркской клинике. Запросили штаб-квартиру ГРУ, оттуда ответили отказом, и младенец умер.

Буквально на следующий день после смерти ребенка Поляков, озверевший от несправедливости судьбы и начальства, утративший веру в ГРУ и в СССР, предложил свои услуги высокопоставленному офицеру американской армии. Предложение было принято безоговорочно. Вскоре офицер помог Полякову установить контакт с «охотником за скальпами» – офицером-вербовщиком из ФБР, ищущим потенциальных изменников в среде сотрудников КГБ и ГРУ.

Недолго длившееся сотрудничество Полякова с Бюро было прервано в 1962 году Центральным разведывательным управлением США.

Руководство ЦРУ буквально не находило себе места от мысли, что такой ценный источник, каким был подполковник Поляков, используется ФБР не по назначению. Ведь он – кладь ценнейшей информации!

Джон А. Маккоун, в то время директор ЦРУ, согласовав с президентом Джоном Кеннеди вопрос об использовании Полякова, немедленно позвонил Гуверу и предложил передать ему на личную связь перспективного офицера ГРУ. Шеф ФБР спорить с «соседом» не стал, понимая, что за его спиной стоит сам президент.

Сделка состоялась. Полякову был присвоен псевдоним «Бурбон», и он сразу попал в разряд особо засекреченных ценных агентов.

Что я натворил – подсчитают потомки...

За 25 лет, что Поляков состоял на службе у американцев, СССР понес ущерб в десятки миллионов долларов.

В ЦРУ обоснованно считали Полякова одним из самых продуктивных источников. В недрах Управления для анализа материалов, поступающих от Полякова, даже было создано специальное подразделение, едва успевавшее их обрабатывать.

«Топхэт» передал американцам более 100 копий секретных выпусков журнала «Военная мысль», который публиковался для советского руководства и где излагались состояние, стратегия, тактика и планы Верховного командования СССР. Для своих заокеанских работодателей он выкрал тысячи страниц документов, в которых были даны технические характеристики самого секретного советского оружия.

Работая в резидентурах ГРУ в Бирме, Индии, в Центральном аппарате Генштаба, в Военно-дипломатической академии Советской Армии «крот» раскрыл своим американским хозяевам принадлежность к внешней и военной разведке около 1500 советских офицеров и около двухсот агентов из числа иностранных граждан. Во время войны во Вьетнаме Поляков представил ЦРУ стратегическую информацию о численности, структуре и боеспособности северовьетнамских войск.

В начале 1970-х он передал в ЦРУ сведения, что Китай находится на грани прекращения военно-экономического сотрудничества с Советским Союзом. Это помогло Соединенным Штатам «прорубить окно» в КНР. Президент США Никсон и его помощник по безопасности Киссинджер тут же вылетели туда с государственным визитом. И не прогадали! Информация «Топхэта» была с выгодой для США реализована в ходе встреч с китайскими руководителями.

Даже в 1991 г., когда Поляков был уже давно расстрелян, американцы во время войны в Персидском заливе с успехом использовали украденные им сведения, уничтожая иракские противотанковые ракеты советского производства. А они ведь считались недостижимыми для средств подавления противника.

...Звание генерал-майора Полякову присвоили в 1974 г. Одним из его покровителей был начальник управления кадров ГРУ генерал-лейтенант Изотов, до этого назначения 15 лет работавший в аппарате ЦК КПСС. В уголовном деле Полякова фигурируют дорогие подарки, сделанные им Изотову. За генеральское звание, к примеру, изменник своему благодетелю презентовал серебряный сервиз на 12 персон, специально для этой цели купленный ЦРУ...

Генеральский чин обеспечивал Полякову доступ к материалам, которые не были связаны с его прямыми служебными обязанностями. Например, к перечню военных технологий, которые закупались или добывались в ходе наших разведывательных усилий на Западе. По признанию помощника министра обороны США при президенте Рейгане Ричарда Перла, когда он ознакомился с материалами, пересланными «Бурбоном» в ЦРУ, у него перехватило дыхание. И было от чего! Речь шла о существовании 5000 советских программ, использовавших западную технологию для наращивания своего военного потенциала.

За годы нахождения на службе у ЦРУ «мальчиком, подающим мячи» Поляков «сдал» семь наших «кротов» – шесть старших офицеров США и одного Великобритании, – работавших в пользу СССР.

До сих пор американцы гордятся так называемым «британским делом». И это несмотря на то, что оно было закрыто в конце 1960-х годов.

Поляков передал ЦРУ копии с фотографий, сделанных нашим британским «кротом», которые тот, в свою очередь, переснял с секретных документов, иллюстрирующих действие системы управляемых ракет, состоящих на вооружении армии США.

Изучив снимки, сделанные «Топхэтом», в Лэнгли проследили путь этих документов по инстанциям и выяснили, на каком этапе они попали в руки нашего агента. Таким образом, ЦРУ вышло на отдел управляемых ракет Министерства авиации Великобритании. Там и работал наш человек – Фрэнк Боссарт. Его арестовали и приговорили к 21 году тюремного заключения.

В этой связи вызывает недоумение, почему в ГРУ так легко смирились с утратой в чрезвычайно сжатый срок – 5 лет – столь большого числа (семи!) своих особо ценных агентов и не провели надлежащего расследования причин их провала.

Ясно одно, пренебрегая кооперацией со Вторым главным управлением КГБ в плане поиска и возможного разоблачения инфильтрованного в свою среду агента противника, ГРУ не смогло самостоятельно установить источник утечки разведывательной информации.

Выйдя в 1981 г. в отставку, Поляков помог американской контрразведке раскрыть нескольких наших разведчиков-нелегалов, заброшенных в США на оседание под видом иммигрантов и уже сумевших натурализоваться, устроиться на работу в американские госучреждения.

Этому способствовала не дьявольская всепроницаемость Полякова, а косность партийно-бюрократической советской системы.

Отставник Поляков продолжал работать в Главном разведывательном управлении освобожденным секретарем парткома. Убывшие в длительные заграничные командировки разведчики-нелегалы оставались на партийном учете по прежнему месту работы, то есть косвенно были подотчетны предателю: учетные карточки, партвзносы, вопросы отсутствия на партсобраниях и тому подобное. Так что вычислить их как нелегалов для изменника, имевшего к тому же опыт разведывательной работы, труда не составляло. Остальное – дело техники: сигнал «хозяевам» в Штаты, и наши парни, на подготовку которых были затрачены многие годы и мешки денег, «сгорали», как спички...

На одном из допросов «Топхэта» сотрудники Следственного управления КГБ Александр Духанин и Юрий Колесников поинтересовались, не жалко ли ему преданных им разведчиков-нелегалов, молодых русских парней, которых он сначала готовил на специальных курсах, а затем отправил на электрический стул?

Ответ был обескураживающим:

«В этом и заключалась моя работа. Можно еще чашечку кофе?»

«Ах, стою я на краю, но никогда не упаду!..»

Поляков служил американцам уже 18 лет, как вдруг в 1978 г. попал под подозрение. В тот год сведения о его шпионской деятельности были умышленно слиты в средства массовой информации США начальником контрразведки ЦРУ Энглтоном, который считал, что «Топхэт» подставлен советской разведкой. Вскоре после этого американский журналист Эдвард Эпштейн опубликовал книгу о Ли Освальде, в которой подтверждалась информация Энглтона, полученная журналистами от его источников в ЦРУ и ФБР.

В 1979 г. подозрения относительно Полякова подтвердил Хансен, в то время еще сотрудник нью-йоркского отделения ФБР, когда он наведлся в «Амторг»¹.

Невзирая на эти сигналы, Поляков во второй половине 1979 г. был направлен в Индию в качестве (!) военного атташе и одновременно резидента ГРУ. Он находился там до июня 1980 г., когда, наконец, руководство военной разведки обратило внимание на информацию Хансена и отозвало генерала в Москву. Но и после этого он бесконтрольно продолжал работать

¹ «Амторг» – официальная гражданская организация, использовавшаяся нью-йоркской резидентурой ГРУ в качестве прикрытия.

в штаб-квартире Управления на Хорошевском шоссе. Там отказывались верить, что один из самых заслуженных генералов военной разведки, прошедший фронты Великой Отечественной, может быть предателем. Рассуждали так: сведения на Полякова косвенные, а Хансен – двойной агент, по заданию ФБР пытающийся опорочить ГРУ и дискредитировать его сотрудников. Однако главная причина, почему в отношении Полякова не было предпринято никаких попыток провести расследование, заключается в нежелании руководства военной разведки выносить сор из избы. По этой же причине не был проинформирован и Комитет госбезопасности.

Поляков, узнав через свои связи в руководстве ГРУ, что находится под подозрением, немедленно «лег на дно» и временно прекратил контакты с ЦРУ. Но затем с помощью новейших средств связи продолжил снабжать американцев информацией о советских военных разведчиках, выезжавших в долгосрочные заграничные командировки.

«Радиовыстрелами» – в десятку!

Казус генерала Полякова во всех отношениях не имел прецедентов в истории отечественных спецслужб.

«Топхэт» не только поставил своеобразный рекорд по длительности работы в пользу противника и по объему переданной им секретной информации политического и разведывательного характера. Рекорд еще и в другом – все это время «кроту» удавалось не попасть в поле зрения нашей контрразведки. Впрочем, последнее обстоятельство вполне объяснимо.

Во-первых, Поляков долгие годы являлся кадровым офицером ГРУ Генштаба, и хотя бы поэтому был досконально осведомлен о методах и приемах, используемых КГБ в своей деятельности по выявлению агентуры противника. Причем был он не рядовым оперативным сотрудником – старшим офицером, а затем и генералом. Отсюда – непрерывный приток информации, который в итоге помогал «Топхэту» не совершать ошибок, а когда надо было, то и «лечь на дно». До лучших времен, разумеется.

Во-вторых, американцы тоже не благодумствовали, а оберегали своего сверхценного источника самыми изощренными способами, начиная от мероприятий по дезинформации, призванных отвести от «Топхэта» любые подозрения в проведении им враждебных СССР акций, и кончая применением самой совершенной радиоэлектронной аппаратуры.

С 1980 г., когда «Топхэт» после заграничных вояжей окончательно «стал на якорь» в Москве, американцы для поддержания с ним связи использовали только бесконтактные способы – тайники и радиосредства. Последним отводилась решающая роль, для чего агенту вручили устройство размером с пачку «Беломора», из которого он производил «радиовыстрел» – передачу сведений, – длившуюся не более 3–4 секунд.

Предварительно закодировав информацию – страницу машинописного текста, «Топхэт» засовывал в карман плаща пачку «Беломора», садился в «букашку» или «червонец» – номера троллейбусных маршрутов, проходящих мимо американского посольства на Садовом кольце. Стоило троллейбусу поравняться со зданием дипломатической миссии США, агент нажимал нужную кнопку, и... игра сделана! Поди, попробуй запеленговать – да никогда!

Лишь в редчайших случаях «Топхэт» производил тайниковые закладки. При этом магнитные контейнеры он изготавливал собственными руками и лично закладывал их на традиционных маршрутах передвижения своих операторов из ЦРУ.

Что касается выемки контейнеров, то эти операции никогда не были для предателя в тягость. За контейнерами он не шел – летел на крыльях: деньги-то по радио не примешь! И хотя, ох, и не генеральское это дело, изымать тайники, но разве можно отречься от денег? Недавно сказано: «не отрекаются любя». Впрочем, справедливости ради надо отметить, что вознаграждение Полякову (по его собственному требованию) американцы редко выдавали валютой или рублями.

За 25 лет порочной службы англосакские хозяева выплатили Полякову в общей сложности около 90 тысяч рублей (цены 1960-х). Кроме наличных, вознаграждение «Топхэту» выдавалось ювелирными изделиями из драгоценных металлов с бриллиантами, уникальными столярными инструментами и рыболовными принадлежностями. К слову, все свободное от шпионажа время Поляков что-то строгал, пилил, мастерил либо ловил рыбу. Он являлся (!) председателем Общества рыболовов и охотников Москвы...

* * *

Свидетельствует полковник Черкашин:

«Поляков – один из многих американских агентов, которые были раскрыты и осуждены после вербовки Эймса и Хансена в 1985-м – в «год шпиона». Однако его место особое в этом трагическом и страшном списке, поскольку никто другой из остальных не занимал столь высокого положения в иерархии советского разведывательного сообщества и никому так долго, и так эффективно, не удавалось шпионить в пользу нашего противника.

Случай с Поляковым уникален, поскольку ему удалось, сотрудничая с ФБР и ЦРУ, избежать ареста в течение двадцати пяти лет. Разумеется, это к вопросу о профессионализме работавших с ним сотрудников спецслужб США и неэффективности наших органов государственной безопасности».

* * *

Бывший американский спецслужбист Пит Эрли в одной своей публикации утверждал, что «Топхэт», будучи задержанным, попросил доставить его на прием к председателю КГБ СССР Виктору Михайловичу Чебрикову, которому якобы в беседе с глазу на глаз поставил условие: он чистосердечно рассказывает *все* о своих «деяниях», а Комитет не преследует его семью.

Можно смело утверждать, что версия Эрли – не более чем трогательная святочная сказочка, ибо в те времена изменнику путь был заказан везде, кроме, разумеется, следственного изолятора в Лефортово и расстрельной камеры.

Да и сам ультиматум Полякова смахивает на торг, что тогда совершенно было исключено. Спецслужбы торговались, выручая своих кадровых сотрудников. Предателей никто не пытался выручить, ибо дорога у них была одна: либо в тюрьму, либо на эшафот. Правда, в XXI веке ситуация изменилась кардинальным образом, но – это уже совсем другая история...

Глава седьмая. Шпионы, избежавшие возмездия

Бежать – так всей семьей!

Летом 1980 г. всем сотрудникам всесоюзных силовых структур были вручены фото супругов Шеймовых – Виктора, Ольги и их пятилетней дочери Леночки, якобы без вести пропавших. Чтобы стимулировать их поиск, через агентуру КГБ был распространен слух, будто глава семейства – ответственный сотрудник Комитета госбезопасности. В то же время Следственным управлением КГБ СССР по факту исчезновения Шеймовых было возбуждено уголовное дело.

Удивительным образом поиски семьи пересеклись с другим уголовным делом.

28 декабря 1980 г. работники 5-го отделения (Таганско-Краснопресненская линия) отдела по охране метрополитена ГУВД Мосгорисполкома задержали на станции «Ждановская», а затем убили заместителя начальника Секретариата КГБ СССР майора Афанасьева.

14 января Прокуратурой СССР и сотрудниками Второго главка КГБ были проведены операции по задержанию и аресту подозреваемых, которые вскоре дали признательные показания. Вслед за этим Комитетом была выдвинута версия о причастности арестованных к исчезновению семьи Шеймовых.

Экс-милиционеры давали показания о совершенных ими многочисленных преступлениях, путаясь в подробностях, с трудом вспоминая детали содеянного. Однажды на допросе один из негодяев заговорил об убийстве какой-то семьи. Так в рамках уголовного дела «Убийство на “Ждановской”» появилась версия об убийстве Шеймовых. Ее и стали проверять. Установить истину можно было, лишь отыскав трупы.

В распоряжение московской прокуратуры для поиска в лесном массиве возможных мест захоронения был выделен (!) полк солдат-срочников. Специальными щупами они бурили скважины глубиной до полутора метров на расстоянии 2–3 метров друг от друга. Несмотря на все предпринятые усилия, версия об убийстве Шеймовых так и не нашла подтверждения. Но зато появились косвенные данные, что Шеймов находится в стане противника. Правда, тогда еще оставалась неизвестна судьба его жены и дочери...

* * *

В 1969 г. Виктор Иванович Шеймов закончил МВТУ им. Баумана и попал на работу в закрытый НИИ Министерства обороны, где занимался разработкой систем наведения ракет с космических спутников. Там на него положили глаз вербовщики из Комитета. Они-то и решили, что он по всем параметрам подходит для работы на более высоком уровне.

В 1971 г. он приступил к работе в самом засекреченном подразделении КГБ – в Восьмом главке, который обеспечивал функционирование и безопасность всей шифровальной связи Советского Союза, а также отвечал за правительственные коммуникации внутри страны и за рубежом.

Лично Шеймов специализировался на защите шифровальной связи в условиях наших посольств и резидентур за границей. Там, как известно, местные спецслужбы из кожи вон лезут, чтобы насовать «жучков» в наши представительства и, если повезет, проникнуть в сердце посольства – в шифровальное помещение.

Работа в Восьмом главке высокооплачиваемая, престижная, не связана с вербовкой агентов, проведением обысков или просиживанием в засадах. Конечно, туда тянутся талантливые научно-технические кадры. Их фильтруют, проверяя до четырнадцатого колена и собирая отзывы и друзей, и недругов.

По прошествии периода адаптации сотрудники попадают в атмосферу важной для Союза работы, их щедро поощряют орденами за успехи, создают условия для приобретения ими научных степеней и званий – творчески состоятельные личности легко защищают кандидатские и докторские диссертации, многие становятся лауреатами Государственных премий...

Вместе с тем, жизнь шифровальщика тяжела не только из-за кропотливого изнурительного труда – давит секретность, особенно за границей, где они находятся под особым присмотром собственной службы безопасности и вынуждены следовать жестким правилам поведения. Ведь чужие шифры – клад для любой разведки. Если перед спецслужбой стоит дилемма: кого вербовать – министра или шифровальщика, она предпочтет последнего. Министры приходят и уходят, а секреты криптографии остаются неизменными годами. Кроме того, шифровальщик может обеспечить доступ ко многим секретным коммуникациям и предоставить возможность преспокойно знакомиться со всеми перехваченными телеграммами...

В Восьмом главке Шеймов дослужился до начальника отдела, курирующего шифровальскую связь наших посольств. По партийной линии выбился в заместители секретаря партийной организации. Однако, несмотря на все достижения по форме, его угнетало чувство неудовлетворенности по содержанию. И это чувство, как он признается в своих мемуарах, «превращалось в отрицание всего «совкового». Там же он обстоятельно расскажет о причинах и мотивах своего бегства. Масса всего! И встречи с московскими диссидентами, и чтение литературных трудов запрещенных в СССР авторов, и лицемерие начальства и вождей, и неудовлетворенность своим образом жизни, и пессимистический взгляд на будущее страны, и желание не просто возмущаться существующим строем, сидя, как многие, уставившись в стакан на кухне, нет! – участвовать в полном его разгроме, да еще и в глобальном масштабе...

Как жить дальше? Приспосабливаться, делать свое дело и, закрыв глаза, ждать, когда все переменится само собой? Попроситься в отставку и распрощаться с КГБ? Открыто выступить против режима, как Сахаров? Создать антикоммунистическую организацию?

Зная из первых рук возможности КГБ и трезво оценивая свои силы, прагматик Шеймов выбрал самый рациональный, хотя и самый рискованный во всех отношениях вариант – бежать на Запад. Причем с женой и дочкой! Материальная сторона дела его несколько не заботила – он знал наверняка, что и его семья, и даже его внуки будут обеспечены до конца дней своих после того, как он продаст американцам тот багаж сведений, которым располагал...

Вопрос был в том, как бежать? За границу, даже в Болгарию, всей семьей не выпускали. Оставалось только одно: связаться с сильной разведкой. С кем? С английской СИС или с ЦРУ? Англичане? Нет, с этими высокомерными тварями каши не сварить! Лучше – американцы. Надо как-то изловчиться и выйти на них, а выйдя, заинтересовать своим положением и убедить, чтобы они организовали побег. Договориться по телефону о встрече? Исключено! Тут же заметут. Написать письмо? Перехватят и арестуют. Остается одно: лично войти в контакт с американцами!

И судьба предоставляет ему такой шанс во время его второй служебной командировки в Польшу.

31 октября 1979 г. в Варшаве он, обманув бдительного охранника, приставленного к нему, предпринял кинжальный бросок в американское посольство, где сотрудники резидентуры ЦРУ тотчас раскрыли объятия ему навстречу, едва он назвал свою должность. Что вполне объяснимо, ведь чужие шифры – клад для любой разведки. Да возникни перед разведчиком альтернатива: вербовать резидента или шифровальщика, то даже стажер ткнет пальцем в последнего. Почему? Да потому, что шифровальщик может дать ключ к разгадке многих секретов и не только сегодняшнего дня, но и тех, что накопились в архивных файлах за последние 5–10 лет. Это, прежде всего, обмен шифртелеграммами резидента и Центра, что сулит прямой выход на затаившихся в недрах родных спецслужб «кротов», и шифрованная переписка по

дипломатическому каналу, это и... Да мало ли в какие тайны противника можно проникнуть еще с помощью шифровальщика-перебежчика!

В общем, при появлении Шеймова у встретивших его американских спецслужбистов возникло легкое головокружение – не многим выпадает кон принять такого гостя-дароносца. Тут ведь не какие-то кодовые таблицы, нет – шифровальщик во плоти и крови!

Но разум быстро возобладал над эмоциями. Несколько контрольных вопросов: кто начальник линии «Х» – научно-технической разведки? Ваш должностной оклад? Чем занимаетесь в Москве? Сколько лет состоите в системе КГБ?

Записав домашний адрес и телефон визитера, американцы предложили ему немедленно выехать в США.

Но Шеймова это не устраивало, он поставил свои условия: личная встреча с связником в бассейне «Москва» и подготовка вывоза всей его семьи в Штаты.

После достижения полного взаимопонимания, все произошло согласно годами отработанным сценарию: вывоз «инициативника» из посольства на «чистой», то есть не принадлежащей разведчику машине, скоростное родео в течение получаса по пустынным варшавским улицам для проверки, нет ли «хвоста»...

* * *

По возвращении в Москву Шеймов несколько раз встречался с сотрудником ЦРУ, действовавшим с позиций посольства, и передавал ему некоторую информацию о своей работе. Но главные секреты выдавать в Москве отказался, так как опасался, что в этом случае американцы откажутся вывозить его из СССР.

Во время последней встречи цэрэушник-связник сообщил Шеймову, что руководство ЦРУ и администрация президента США санкционировали организацию побега. От Шеймова требовалось лишь передать фотографии для документов и сообщить полные антропологические данные, свои и членов семьи: точный рост, объем груди, вес, размер одежды и обуви. Заодно связник поинтересовался, как подопечный и его домочадцы переносят морскую качку? Шеймов решил, что за границу их будут нелегально транспортировать морским путем. Он тут же задал уточняющий вопрос. Однако связник, не подтвердив, но и не опровергнув догадок, потребовал одного: не суетиться и ждать сигнала.

Скорее всего, связник не знал, каким способом произойдет перемещение беглецов. Что же касается Шеймова, то ему, по его собственному признанию, было абсолютно безразлично – пусть голова болит у американцев. Единственное, о чем он предупредил связника, что вылет из международного аэропорта Шереметьево-2 по фальшивым документам чреват провалом всего предприятия – в аэропорту могли оказаться сотрудники КГБ, знавшие его в лицо.

На прощание американец пообещал придумать нечто из ряда вон выходящее.

Получив заверения, Шеймов и его жена, которая к тому времени была посвящена в планы мужа, стали активно готовиться к побегу.

Так, Ольга незамедлительно сняла некоторые вещи с антресолей, чтобы не делать это накануне бегства – антресоли должны остаться пыльными.

Хотелось захватить с собой и семейные альбомы, и вещи, любимые с детства, но Шеймов был непреклонен: ничто не должно указывать на подготовку к убытию, все должно выглядеть как необъяснимое исчезновение всей семьи. Семейные фото скопировали в фотоателье...

Хитроумному Шеймову пришла в голову мысль представить исчезновение как несчастный случай, как гибель всей семьи. В последующем это исключило бы преследование их родителей со стороны КГБ. Но главное – ничто не должно было вынудить начальство сразу предпринять решительные меры по замене или модификации всего объема технической информации, которую предатель собирался передать американцам.

Оставались родители. Как быть с ними? Они же умрут от горя, узнав о внезапном исчезновении и о смерти горячо любимого сына, невестки и внучки! Но в планы их посвящать нельзя. Отец – ортодоксальный коммунист, он ничего не поймет, а мать... Жалко мать. И тогда в день своего рождения Виктор заехал к родителям и походя, между прочим сказал:

«Мама, мне предстоит командировка... Сложная, в чем-то даже опасная. Прошу тебя, не верь, если услышишь, что я погиб. Не верь, пока не увидишь мой труп».

Мать очень удивилась, но спрашивать ни о чем не решилась – такая уж работа у сына. Абсолютно секретная...

Операцию решено было проводить в пятницу – на работе не хватятся до понедельника. Чтобы сбить с толку возможных преследователей и запутать следы, Ольга приобрела билеты на поезд Москва – Ужгород, а Виктор предупредил начальство, что уезжает в Подмоскowie, на дачу к приятелю, где отсутствует телефонная связь.

Постарались и американцы. В целях создания отвлекающего маневра, а также для того, чтобы растащить силы нашей «наружки», все сотрудники резидентуры ЦРУ в Москве, действовавшие с посольских позиций, с 18 и до 23 часов без усталости кружили по городу, имитируя выход на встречу со своей агентурой...

В пятницу в 22 час. 30 мин. из Внуково стартовал военно-транспортный самолет НАТО, накануне прибывший в Москву, чтобы забрать из американского посольства отработавшую свой ресурс радиоаппаратуру. На место второго пилота сел загримированный и переодетый в военную форму Виктор Шеймов. Жену и дочь доставили к самолету в контейнерах...

* * *

Сегодня не представляется возможным определить, сколько времени руководство КГБ не имело представления о побеге Шеймова. Противоречивы и высказывания на этот счет бывших руководителей Комитета. В частности, Ф.Д. Бобков, бывший зампред КГБ, в книге «КГБ и власть» пишет:

«К великому нашему стыду, вскоре было установлено: ни в Москве, ни в стране Шеймова и его семьи нет. Выехали. Сами они, конечно, этого сделать не смогли бы. Всех троих вывезли, очевидно, с их согласия...

Провели тщательное расследование. И снова нас ждал удар...

Итак, Шеймова с женой и дочерью вывезли. Каким образом? Контрразведка на этот вопрос ответить не могла, да, по-видимому, не очень и стремилась – трудно признать свои провалы!»

По утверждению же В.А. Крючкова, экс-главы ПГУ, а затем и КГБ СССР, после назначения в мае 1982 г. председателем Комитета госбезопасности В.И. Федорчука было проведено повторное расследование дела об исчезновении Шеймова. Контрразведчики настаивали на версии убийства семьи Шеймовых и отрицали версию их вывоза из СССР американцами.

Логика подсказывает, что лишь после вербовки в апреле 1985 г. О. Эймса было точно установлено, что Шеймов был завербован ЦРУ и в мае 1980 г. вывезен с семьей в США.

После побега Шеймов с семьей проживал в Вашингтоне, разумеется, под чужой фамилией и изменив внешность с помощью пластической операции лица. За «заслуги» его наградили медалью ЦРУ.

В конце 1980-х годов Шеймов выступил с рядом сенсационных заявлений, что из материалов КГБ, к которым он как шифровальщик имел доступ, ему стало известно, что именно это ведомство организовало покушение на папу римского Иоанна Павла II в 1981 г. и президента Пакистана Зия-уль-Хака в 1988 г.

Явный промах американских хозяев Шеймова! С мая 1980 г. он не имел никакого отношения к КГБ, поэтому ни к каким документам допущен не был. Информацию о покушениях он мог получить только из ЦРУ.

В 1993 г. в издательстве «Nevel institute press» вышла книга Шеймова на русском языке «Башня секретов: документальный шпионский детектив», в которой он от третьего лица рассказывает о своей работе в КГБ и о побеге в США.

Трусой с Ленинского проспекта на берега Темзы

Одной из самых одиозных фигур в пантеоне изменников последней трети XX века является полковник Гордиевский.

Сегодня, когда эксперты КГБ проанализировали все обстоятельства его дела, – а это более тысячи страниц различных материалов, – они пришли к заключению, что начало предательской карьеры Гордиевского относится ко времени его первой командировки в Данию. Судя по всему, он попал в поле зрения датской контрразведки, когда активно посещал злачные места датской столицы. В 1970-е гг. для советского дипломата – Гордиевский имел «крышу» второго секретаря советского посольства в Копенгагене – это было бесспорным компроматом, которым местная служба безопасности не преминула воспользоваться.

В те годы самым сильным рычагом воздействия на должностных лиц советских зарубежных представительств была угроза (и неважно, явная или мнимая) выдворения из страны. Скорее всего, начинающий разведчик был поставлен перед дилеммой: либо покинуть страну (а это – полный крах карьеры), либо согласиться на негласное сотрудничество.

Спустя много лет министр юстиции Дании, который является и прямым начальником секретных служб, проболтался, что Гордиевский, став на путь измены, первые два года «таскал каштаны из огня» для датчан и лишь потом был передан на связь англичанам. Реакция изменника не заставила себя ждать. Тут же в западных СМИ появилось его заявление о том, что свои услуги он никому, кроме англичан, не предлагал.

Впрочем, сегодня не столь важно, проходила ли измена Гордиевского поэтапно, или же его смычка с МИ-5 (английская контрразведка) прошла без ведома датчан. Важно другое: предатель вел двойную игру в течение примерно десяти лет, прежде чем возникли подозрения в его отношении. Подозрения, ставшие фактом после его бегства в Англию.

Как бы то ни было, определенным утешением для руководства Комитета был тот факт, что положение Гордиевского в разведке было относительно невысоким и ущерб, нам нанесенный, не столь ощутимым, каким он мог бы быть, учитывая длительность его сотрудничества со спецслужбами противника.

Когда в мае 1985 г. Гордиевский под надуманным предлогом был вызван из Лондона в Москву, он понял, что находится в оперативной разработке у контрразведчиков, а его дни на свободе сочтены. Ему удалось связаться с резидентурой СИС, действовавшей под прикрытием английского посольства в Москве.

В соответствии с заранее разработанным его куратором из СИС планом, двурушник каждое утро начал делать пробежки трусцей по боковой дорожке Ленинского проспекта. Через день он заметил, как за ним, показно веселясь, следуют молодые люди – парни и девушки на роликовых коньках. «Это – хвост!» – сказал он себе.

Еще через три дня не в меру взрослые конькобежцы исчезли, их сменили многочисленные нищие и бомжи, стоявшие с протянутой рукой на маршруте движения Гордиевского. Он понял, что прежние, то есть «передвижные посты», заменены на «стационарные посты наружного наблюдения». Это была удача! От «стационарных постов» ускользнуть много легче, чем от мобильных.

Фортуна подала изменнику руку, и он не замедлил воспользоваться ее благорасположением – вцепился в нее обеими руками...

Утром 19 июля Гордиевский, как обычно, проделывал утренний моцион трусцой по Ленинскому проспекту. Улучив момент, он резко свернул на улицу Академика Пилюгина, где уже третий день кряду стоял неприметный грузовик. И хотя на Гордиевском был спортивный костюм, он едва не выкрикнул:

«Осталось лишь плотнее укутаться в пресловутый плащ, глубже заткнуть за пояс отсутствующий кинжал и, бросившись вниз головой в кузов, дать деру!»

Через несколько часов беглец, лежа в багажнике скоростного авто с номерами английского посольства в Москве, пересек советско-финскую границу.

Так это было или нет, мы никогда не узнаем. Так свои перипетии описывает сам Гордиевский в книге, изданной в Англии вскоре после его побега.

А вот фактическая сторона его измены.

...В июле 1985 г., почуяв твердь земли Альбиона под ногами и оттого осмелев, Гордиевский стал вредить открыто.

С его подачи в Англии были объявлены персонами non grata 32 сотрудника советского посольства, из которых лишь треть были разведчиками, остальные – чистые дипломаты. Но ведь предателю надо было зарабатывать «очки» в глазах новых хозяев – отсюда и перебор!

Мы из Москвы выслали соответствующее число сотрудников английского посольства. Но в МИ-5 решили не останавливаться и подготовили список еще из десятка фамилий наших дипломатов на высылку. Нам ничего не оставалось, как действовать адекватно. Однако нашлась трезвая голова, которая решила остановить процесс. Маргарет Тэтчер, тогдашний премьер-министр Англии, поняв, что если дело так пойдет и дальше, то работа английского посольства в Москве будет парализована, одернула свои спецслужбы, заявив: *«Пора прекратить эту карусель!»*

Сегодня нам представляется, что самой значительной услугой, оказанной Гордиевским английским хозяевам, был «слив» информации о сотруднике МИ-5 Майкле Беттани, который со временем мог бы стать для нас вторым Джоном Блантом. Последний, будучи высокопоставленным сотрудником английской контрразведки, являлся членом «кембриджской пятерки» и активно работал в пользу Советского Союза.

Глава восьмая. Несостоявшийся агент КГБ

Человек, который боится собственной тени

В конце 90-х годов прошлого века, один раз в два дня на Рейджент-стрит в английском графстве Хертфордшир можно было видеть невзрачного человечка в темных не по погоде очках и с хозяйственной сумкой в руках.

Поминутно оглядываясь, он спешил в близлежащую лавчонку, где, схватив пакет провизии, трусцой возвращался домой.

И было из-за чего. Уличные мальчуганы, завидев его, хором кричали:

«Тили-тили тесто, русскому шпику здесь не место!»

Поэтому надо было действовать не мешкая. Входную дверь – на засов и на два поворота ключа. Проверить окна – плотно ли закрыты шторы и опущены ли жалюзи. Все! Вот, наконец, она – упоительная свобода и одиночество! Он ждал ее долгих 14 лет, с тех пор, как отбывал срок в тюрьме для особо опасных государственных преступников.

Пробыв в тюрьме 14 лет, из назначенных ему судом 23-х, 48-летний Майкл Беттани, бывший узник под номером В-67313, выйдя на свободу, бросил семью и уединился в Хертфордширском графстве, в малюсенькой хибаре, которую и домом-то назвать можно с большой натяжкой, где, судя по рапортам надзирающих за ним полицейских, он работает над мемуарами.

За какие же такие прегрешения судьба и королевский суд наказали Майкла Беттани?

«Белая ворона» в Оксфорде

Майкл Беттани, одиннадцатый ребенок в рабочей семье, рос застенчивым и робким к вниманию незнакомых ему людей. Он особенно замкнулся в себе после того, как развелись его родители. Майкл, всегда сторонившийся женского общества, остался с отцом, под влиянием которого он всегда и находился.

Его отец Рональд Беттани, очаровательный и беззаботный человек, слыл в округе большим фантазером авантюрного пошиба, мечтавшим любым способом прославиться и разбогатеть. Однако все его размышления вслух об ожидающей его вселенской славе и богатстве так и закончились лишь мечтаниями. В этом же духе он и воспитывал единственного оставшегося с ним сына – Майкла.

...К своим семнадцати годам, когда его сверстники уже поступили в престижные колледжи и университеты или преуспели на ниве бизнеса, Майкл, освоив едва ли не половину библиотеки Британского музея, неожиданно для своего отца, сверстников и соседей блестяще сдал экзамены в Оксфордский колледж.

Во время обучения как преподаватели, так и сокурсники Беттани отмечали его эрудицию и широчайшие познания в различных областях самых неожиданных наук. На втором курсе он самостоятельно начал изучать немецкий язык, да так успешно, что уже через полгода читал Шиллера и Гёте в оригинале.

Вместе с тем от внимания окружения не ускользнуло, что Майкл никогда не участвовал в шумных студенческих вечеринках, заканчивавшихся, как правило, массовой оргией с проститутками по вызову и гомосексуальной вакханалией. Кстати, гомосексуальные отношения были весьма распространенным явлением среди студентов Оксфорда, особенно среди отпрысков влиятельных представителей английского истеблишмента – воротил бизнеса, членов пра-

вительства и парламента. Забавам своих порочных сверстников Майкл предпочитал уединение в библиотеке колледжа или в парке. За это от сокурсников он получил кличку «Белая ворона». Никто и не подозревал, что в душе «Белой вороны» бушуют бури тщеславия, жажды совершить ПОСТУПОК, и, наконец, огрести гору денег.

Поступок № 1. Устрашающий

Кто ищет – тот находит. Стояла ранняя солнечная осень, что само по себе большая редкость для туманного Альбиона. Как всегда в одиночестве, Беттани, сидя в парке, штудировал очередное произведение Гёте. Проходивший мимо радиотехник колледжа в знак приветствия приподнял шляпу. Майкл, погруженный в перипетии прочитанного, лишь кивнул в ответ. Неожиданно он заметил, как, вытаскивая из кармана носовой платок, радиотехник обронил на дорожку, посыпанную тертым кирпичом, ключ. Беттани было уже собрался окликнуть раззяву, как вдруг его осенило.

«Вот он, шанс прославиться, – чуть было не вскрикнул Майкл. – Я покажу вам, на что способен “Белая ворона”!»

...Через несколько минут по радиотрансляционной сети колледжа Беттани, имитируя голос диктора Би-би-си, объявил:

«Внимание, внимание! Работают все радиостанции Великобритании! Армады русских танков, неся огромные потери, взломали оборону королевских войск и движутся по направлению к Лондону. С воздуха их поддерживают сотни самолетов! Всем студентам и преподавательскому составу колледжа немедленно укрыться в бомбоубежище!»

Сразу же захлопали двери, послышались взволнованные голоса. Началась невообразимая паника и давка. Все – студенты и профессура – ринулись к бомбоубежищу. Здание колледжа опустело...

Досада! Вход закрыт амбарным замком. Не беда! Два удара ломом, и путь к спасительному подземелью открыт.

Беттани же в это время носовым платком протер микрофон и тумблеры, к которым прикасался, и беспрепятственно скрылся в парке, где вдаль от перепуганных адептов и их наставников спокойно продолжил общение с Гёте. Перепуганных? Ну да! Время-то – самый разгар холодной войны, которую эти непредсказуемые русские решили-таки превратить в «горячую»!

...Прибывшие через полчаса сотрудники Скотленд-Ярда в течение суток подвергали изнуряющему допросу всех студентов и преподавательский состав.

Когда Майкла спросили, что ему известно об инциденте, он, скромно потупив очи долу, ответил, что ничего не знает, так как изучал труды Гёте в парке. Дотошный полицейский попросил показать то место. Прошли в парк.

«Н-да, отсюда даже взрыва атомной бомбы вы бы, сэр, не услышали!» – был вердикт полицейского чина.

Радиотехника уволили без выходного пособия, а в дверь радиорубки врезали электронный замок.

Лишь по окончании колледжа Беттани рассказал особо доверенным лицам, как он устроил провокацию под названием *«Спасайтесь, русские идут!»*.

Поступок № 2. Экстравагантный

Поступком № 2 Беттани сразил весь Оксфорд наповал.

В середине 1970-х, когда в английской студенческой среде все еще было всеобщее поклонение «Битлам» и постулатам движения хиппи, Майкл на студенческую вечеринку явился в

форме штандартенфюрера СС, с красно-белой нацистской повязкой на рукаве с неременной свастикой, да еще под носом нарисовал черной ваксой усы «а-ля Адольф Гитлер».

Ай да тихоня, ай да «Белая ворона»! Да такой даст сто очков форы всем сорвиголовам Оксфорда!

...Увидев, что сверстники обратили на него внимание, Майкл включил граммофон на полную громкость и под нацистские песни стал маршировать прусским строевым шагом по колледжскому дворику, всем своим видом показывая, что плевать хотел он и на поклонников «Битлз», и на косматых хиппи.

Этой своей выходкой Майкл решил утереть нос своим сокурсникам и доказать им, что он далеко не «Белая ворона» и не просто «книжный червь».

Та, чего так жаждал Беттани, – слава, – наконец приняла его в свои объятия.

Кроме славы – денег!

Еще обучась в колледже, Беттани предпринимал попытки поступить в Форин Оффис, однако судьба в лице секретной службы Великобритании – Секрет Интеллидженс Сервис (СИС) распорядилась по-своему.

Дело в том, что преимущество глубоко демократического общества вроде Великобритании состоит в том, что никакие экзотические взгляды, ни даже экстравагантные выходки, подобные тем, что устроил тихоня Беттани, твоей карьере не помеха.

Более того, именно в этом его ультраправом идеологическом демарше он и приглянулся чиновникам из департамента по работе с персоналом СИС.

Встреча с одним из них стала для Майкла судьбоносной, и вскоре он был оформлен в штат МИ-5 (английская контрразведка) и направлен служить в Северную Ирландию, с задачей добывать компромат на местных террористов.

Беттани с головой окунулся в работу по выявлению и разработке главарей Ирландской Республиканской Армии. Он делал это сознательно, находя поведение и идеологию «леваков» деморализующими и зловредными. Заваливая руководство в Лондоне донесениями и глубоко аргументированными предложениями, Майкл быстро продвигался по служебной лестнице, даже получил высшую награду Великобритании – орден Подвязки.

Не помешал ему в продвижении по служебной лестнице и пьяный дебош, из-за которого он угодил в полицейский участок. Отнюдь! Более того, он получил повышение – назначение в отдел «К», работавший по советским дипломатам, аккредитованным в Англии и подозреваемым в связях с КГБ! Вернувшись в Лондон, Беттани женился, через некоторое время у него родилась тройня: мальчики-близнецы.

Жизнь превратилась в рутину: работа – дом – работа. А ввиду того, что его жена Сэлли редко покидала какую-нибудь очередную лечебную клинику, денег в семье Майкла практически не было. А ведь надо было поднимать, то есть кормить и платить за обучение близняшек! Тогда-то жажда славы и денег вновь напомнила о себе, и он решился. Как знать, возможно, сказались гены его отца, авантюрного мечтателя!

Поступок № 3. Фатальный

В одну из ночей 1983 г. Майкл Беттани опустил записку в почтовый ящик дома Аркадия Гука, резидента КГБ, действовавшего под прикрытием первого секретаря посольства СССР в Лондоне. В записке было изложено короткое предложение о секретном сотрудничестве. О себе Беттани ограничился лишь указанием, что он является офицером МИ-5.

В случае согласия сотрудники резидентуры должны были разместить в воскресном приложении газеты «Санди таймс» объявление о продаже дома в указанном Беттани адресе с указанием времени, когда можно посетить вымышленный дом.

У Гука закралось подозрение, что английская контрразведка затевает оперативную игру с целью компрометации нашей резидентуры, действующей под посольской «крышей». По его мнению, это был классический, если не сказать глупый вариант подставы, который напоминал хрестоматийный пример из «Справочника молодого чекиста».

Сомнения Гука всячески подогревал его заместитель Олег Гордиевский, уже в полную силу работавший в качестве агента на англичан и получавший от них вторую зарплату.

«Ну зачем, Аркадий Иванович, – исходил желчью Гордиевский, – мы будем клеветать на эту дохлую приманку. Что уж мы, законченные идиоты, что ли?!»

* * *

Не дождавшись публикации в «Санди таймс», Майкл решается на более рискованный шаг.

Чтобы убедить советского резидента в своей готовности работать на СССР, а также продемонстрировать, что он имеет неограниченный доступ к абсолютно конфиденциальной информации, Беттани вновь подбрасывает в почтовый ящик Аркадия Гука пачку ксерокопий совершенно секретных документов о положении в Северной Ирландии, о наблюдениях и выводах английской контрразведки, касающихся работы нашей резидентуры, наконец, он называет имена нескольких англичан, которые выполняют роль «подставы», через которых СИС направляет в нашу резидентуру дезинформацию.

Гук, швырнув на стол полученную «почту», заявил Гордиевскому:

«В общем, разбирайся сам с этой макулатурой, а я с завтрашнего дня в отпуске и вылетаю в Москву!»

И Гордиевский разобрался.

Посадив шефа в самолет, он немедленно связался по уличному телефону-автомату со своим куратором из Секрет Интеллидженс Сервис, затем передал ему пачку полученных от Беттани документов, предварительно составив акт об их сожжении, как не представляющих оперативной ценности.

Когда куратор Гордиевского ознакомился с представленными документами, он коротко резюмировал:

«Поздравляю вас, дорогой Олег, двухэтажный особняк в престижном районе Лондона, вам обеспечен... Этого подлеца, который решил подорвать обороноспособность Англии и НАТО, мы сегодня же вычислим. А еще через день он будет давать показания в тюрьме, это я вам – как офицер его Величества королевы Великобритании – обещаю. Благодарю за службу!»

Глава девятая. Казнить нельзя. Помиловать!

Как сажают на «крючок»

В феврале 1992 г. Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина были помилованы десять осужденных ранее агентов иностранных разведок. Среди них – бывший подполковник КГБ Борис Николаевич Южин, находившийся в местах лишения свободы шесть из пятнадцати определенных ему лет.

...Южин начал свою карьеру разведчика младшим офицером. Под прикрытием студента-стажера он был направлен в шестимесячную командировку в Соединенные Штаты Америки, где обучался в университете Сан-Франциско. Здесь он попал в поле зрения американской контрразведки – Федерального бюро расследований.

Сотрудники Бюро готовились к вербовке начинающего русского разведчика долго и тщательно. Были изучены его связи, привычки и пристрастия, достоинства и недостатки, и в результате полученных данных создан его психологический портрет.

Судя по всему, Южин по всем параметрам соответствовал представлению сотрудников американской контрразведки о потенциальном изменнике. И вслед за большой подготовительной работой фэбээровцы составили план многоходовой операции.

На первом этапе к заезжему русскому подвели опытную агентессу ФБР Джуди Стивенсон. И вскоре отношения стажера с молодой привлекательной женщиной стали более чем приятельскими...

Бывая в гостях у Южина, мисс Стивенсон иногда просила преподнести ей в качестве сувенира какой-нибудь милый пустячок – оригинальную бутылку из-под армянского коньяка, пустую конфетную коробку советского производства или еще что-нибудь в этом роде.

Однажды Джуди пригласила своего русского друга посетить латиноамериканский клуб. Мотивировала это тем, что якобы в клубе собирается прогрессивная молодежь – неплохая возможность приобрести друзей среди инакомыслящих.

На самом деле клуб оказался обычным местом отдыха и развлечений – никто там политикой не интересовался, поэтому Джуди и Борис выпили пару коктейлей, потанцевали, сфотографировались и были таковы. Но в соответствии с планом ФБР, это посещение являлось одним из решающих этапов вовлечения Южина в подготовленную западню. Следующим пунктом было знакомство Бориса с «братом» Джуди – Лэри Уотсоном, в действительности кадровым офицером ФБР (психолог, он будет готовить реализацию завершающего этапа вербовочной операции русского разведчика).

В один прекрасный день мисс Стивенсон явилась к Южину на квартиру вся в слезах и рассказала, что к ней домой наведальсь люди из ФБР, произвели обыск, перевернув все верх дном, изъяли сувениры, подаренные ей Борисом, и унесли с собой фотографии, сделанные в латиноамериканском клубе. В настоящее время ее обвиняют в причастности к террористической деятельности и в пособничестве в установлении контактов между русскими и террористами. В подтверждение своих слов она показала Борису заметку, опубликованную в одной бульварной газете.

– Что делать, Борис?! Что делать?! – в истерике кричала Джуди.

Выпроводив подругу, обеспокоенный создавшимся положением Южин призадумался. В голову ничего путного не приходило, и он отправился в консульство, где доложил офицеру безопасности о случившемся. Тот, похлопав Южина по плечу, успокоил его и посоветовал не паниковать, так как, дескать, от провокаций в этой стране никто не застрахован. На том и расстались. Однако, если какая-то неприятность должна случиться – она случается непременно!

На следующий день к Южину примчался Лэри Уотсон и объявил, что его «сестру» госпитализировали и сейчас она находится в критическом состоянии. Мисс Стивенсон, бледная

и исхудавшая, лежала на больничной койке, опутанная проводами и резиновыми трубками. Она еще раз подтвердила, что против нее выдвинуты очень серьезные обвинения, и просила «милого Бориса» съездить в ФБР и объяснить там, что она ни в чем не виновна. После настойчивых уговоров «брата и сестры» Южин согласился тотчас отправиться к следователю...

На допросе, который прошел в очень дружественной атмосфере, Южин, как мог, объяснил сотруднику ФБР с очень редким именем Джон, что вся история с Джуди – не более чем недоразумение. Расстались почти друзьями.

Еще через какое-то время Джон позвонил Южину и предложил встретиться, чтобы уточнить некоторые детали по делу мисс Стивенсон. И вновь беседа проходила в дружеском тоне и постепенно вышла за рамки ранее обозначенной темы.

Разговор плавно перетекал из одного сюжета в другой, и Южин, проникнувшись симпатией к Джону, попросил у него совета. Дело, в общем-то, выведенного яйца не стоит – к Южину на несколько дней прилетает жена. Хотелось встретить ее подобающим образом, да и время скоротать на высоком уровне, но вот с деньгами, сам понимаешь, Джон, туговато... Нельзя ли в университете получить материальную помощь? Тем более что здесь это практикуется... А ведомство твоё, Джон, при решении подобных вопросов в отношении иностранцев играет не последнюю роль...

Джон – парень понятливый, он по-свойски потрепал Южина за плечо и пообещал все устроить.

Действительно, через день, когда они встретились, Джон, широко улыбаясь, вручил Южину конверт с пятью сотнями «зеленых» – «твой вопрос решен, старина!»

Борис несколько опешил: все выглядело не так, как он себе это рисовал в воображении, что-то, внушавшее подозрение, висело в воздухе. Нет-нет, прочь подозрения, Джон – настоящий товарищ! Да и соблазн стать на пару дней богачом оказался слишком велик.

Стажер натянуто улыбнулся, но конверт не отдал – спрятал во внутренний карман пиджака...

Эти несколько дней супруги Южины провели, как в сказке. Проводив жену, Южин заскочил в деканат по работе с иностранцами, чтобы выразить благодарность за оказанную материальную поддержку.

– Какие-такие пятьсот долларов? – спросили в деканате. – Знать ничего не знаем...

Южин моментально прозрел, вспомнив о своих смутных подозрениях, которые он то отгонял, то приглушал оптимистичным окриком на самого себя. Он все понял – его посадили «на крючок»!..

Под псевдонимом «Твайн»

Очередную встречу Джон назначил Борису в гостинице. Открыв дверь указанного номера, Южин увидел четырех улыбающихся парней, одного с ним возраста. Не теряя времени даром, они тут же продемонстрировали ему фотоснимки, где он получает деньги от американского контрразведчика. Вдобавок ему «вылили» весь собранный на него компромат: сообщили о его истинном месте службы, воинском звании и цели командировки в США...

Вербовка прошла точно в соответствии с намеченным ФБР планом. Южин сдал всех своих коллег-стажеров и тех сотрудников резидентуры в Сан-Франциско, о которых был осведомлен.

Его засыпали проверочными вопросами о структуре КГБ, о его руководстве и т. д. Ответы вполне удовлетворили допрашивавших, и в заключение они объявили ему, что с этого дня он – агент американских спецслужб и должен откликаться на псевдоним «Твайн»...

Во время следствия в Москве Южин представил письменное пояснение о том, как это происходило:

«Неожиданно один из присутствующих перешел на русский язык. Говорил он блестяще. А знание моей точной принадлежности к разведке сломило мою способность к сопротивлению...

Было еще не поздно доложить руководству резидентуры о состоявшемся вербовочном подходе, я колебался, имея два варианта.

Первый – доложить о вербовке и сохранить свое доброе имя, остаться полноправным гражданином своей страны, отказаться от совершения тяжкого преступления, но при этом поставить крест на своей карьере в органах госбезопасности и материальных благах, связанных с выездами в заграничные командировки, а также оказаться под угрозой распада семьи.

Второй вариант – в целях достижения своих низменных побуждений – изменить Родине. Проявив малодушие и трусость, я сделал выбор».

Поскольку командировка Южина в Штатах подходила к концу, американцы поторопились с созданием ему условий для дальнейшего роста в системе внешней разведки КГБ. Для этого они снабдили его сведениями, которые могли способствовать составлению впечатляющего отчета о проделанной работе за 6 месяцев пребывания в Штатах.

Согласно предоставленным фэбэеровцами данным, выходило, что Южин времени зря не терял и сумел добыть хоть и не засекреченные, но весьма значимые для политической разведки материалы. Во время стажировки в Сан-Франциско он якобы смог установить полезные для советской разведки контакты с рядом влиятельных граждан Соединенных Штатов. К примеру, он вошел в контакт и сейчас находится на дружеской ноге с бывшим сотрудником ЦРУ. Более того, имел честь быть представленным некоему американскому сенатору, с которым в настоящее время играет в гольф!

– С таким отчетом, мой друг, – поднимая стакан с виски, произнес Джон, – ты через полгода вернешься в Штаты... Попомни мои слова!

Фэбээровец словно в воду глядел: вскоре Южина командировали в резидентуру внешней разведки КГБ в Сан-Франциско. О чем он, как и было оговорено с Джоном, немедленно оповестил по телефону какую-то барышню, поднявшую трубку...

Несколько недель никто не выходил на контакт с Южиным. Однако расслабляться долго новоявленному агенту не пришлось.

Как-то на прогулке в парке, рядом с Борисом, затормозила неприметная малолитражка. За рулем сидел Джон.

– Старина, твои знакомые ребята и я рады приветствовать тебя в Штатах! Ты помнишь их? Как говорили у вас в тридцатые годы: «Вам некуда торопиться – ОГПУ к вам само придет!» Ваше ОГПУ 1930-х годов – это наше ФБР сегодня, во всяком случае, для твоих соотечественников, не так ли? Садись, прокачу, заодно поговорим о твоём задании...

* * *

В течение пяти лет «Твайн» добросовестно пахал на ФБР. Он сообщил известные ему сведения о составе резидентур КГБ в Соединенных Штатах, постоянно информировал американскую контрразведку о работе своих коллег, их доверительных контактах из числа жителей Сан-Франциско, наконец, о ставших ему известными оперативных планах внешней политической разведки в отношении США.

На каждой явке с очередным сотрудником ФБР ему демонстрировали десятки фото советских граждан для опознания в них вероятных сотрудников советских спецслужб.

И, надо сказать, Южин добросовестно опознавал всех. С этим учился в спецшколе, с тем – работал, с этим случайно встречался в коридорах Ясенево...

Бескорыстие агента

Однажды Южину фэбээровцы дали задание сфотографировать внутренние помещения консульства и резидентуры КГБ в Сан-Франциско. Задание не бей лежачего – делается на раз, даже курсанту Комитетской спецшколы по плечу, но Бориса охватил мандраж. Задание напомнило ему первую брачную ночь с его, тогда еще молодой и неискушенной в сексуальных играх, женой: «страшно, но надо!»

В субботу – в выходной день всех советских сотрудников – Южин, снабженный спецфотоаппаратом для панорамной съемки, отправился в консульство. Безо всяких проблем заснял все помещения, кроме опечатанных. В центральном зале висело огромное зеркало в золоченой раме. Стоп! Это – та самая деталь, которая может впечатлить Джона, – надо «снять» и его!

Так, скорее всего, думал горе-агент. Ничтоже сумняшеся, заснял и зеркало! Пленку при встрече передал своему оператору Джону.

На следующей явке Джон, улыбаясь во весь рот, показал Борису фото, где тот, отраженный зеркалом сосредоточенно щелкает затвором фотоаппарата.

– Старина, у нас достаточно компромата на тебя, а ты еще и довесок приволок... Взгляни на себя с фотокамерой в руках. Ты кого снимаешь, себя?! Знаешь, ты ведь себя поставил под удар... Да-да, и не смотри на меня так! Это фото могут увидеть многие наши сотрудники, и даже коллеги из ЦРУ. А всем рты закрыть я не сумею – болтовня она есть везде...

Правда, скорого провала не случилось, и Южин продолжал работать в США одновременно на два ведомства: КГБ и ФБР.

В ФБР отмечали, что поставляемая Южиным информация имеет большую ценность, и готовы были хорошо платить за нее. Так, «Твайн» помог установить агента влияния КГБ в Норвегии, известного партийного лидера и профсоюзного босса А. Трехольта.

Кроме того, он регулярно передавал ФБР отчеты, направляемые резидентурой в Москву, и предупреждал о готовящихся операциях КГБ.

Учитывая рвение «Твайна», руководство ФБР неоднократно предлагало ему открыть счет в любом банке на его выбор, но он отказывался. И с наличностью у агента тоже были непростые отношения. На одной из первых явок Джон поставил перед ним набитый купюрами «дипломат» и предложил взять столько, сколько он пожелает. Но Борис проявил скромность и не притронулся к деньгам.

Действительно, Южин, начитавшись Солженицына и других запрещенных в СССР авторов, так изменил свои взгляды на советский строй, что согласился сотрудничать с ФБР на идеологической основе. Через какое-то время он все-таки стал брать деньги, но ограничивался суммами в две-три сотни «зеленых». Лишь на третьем или четвертом году работы на ФБР он раскрепостился настолько, что уже брал тысячами. Вместе с тем, на удивление фэбээровцев, «Твайн» по-прежнему отказывался от открытия банковского счета на свое имя.

Закат шпионской карьеры

Однажды «Твайн», как ему показалось, очутился на грани провала из-за собственной небрежности. В здании консульства он обронил зажигалку, в которую был вмонтирован микрофотоаппарат.

Зажигалку нашел местный слесарь Потапов. Пощелкал, пощелкал – не работает, и забросил ее на верстак – когда-то еще пригодится. Наконец наступил и ее черед. Понадобились Потапову детали зажигалки, и он решил разобрать находку. Глядь, а там микрофотоаппарат! Слесарь немедленно обратился к офицеру безопасности консульства. Микропленку извлекли

и проявили. На удачу Южина она была незаэкспонирована. Будь на ней отснятый материал, то по его характеру можно было бы легко вычислить хозяина зажигалки.

...Южин обнаружил пропажу зажигалки и вызвал Джона на экстренную встречу, чтобы обсудить, как выйти из положения. Он вспомнил, что заходил к своему коллеге Семенову выпить пива. Не там ли осталась зажигалка? И ФБР проводит незамысловатую, но изящную операцию.

К Семенову Бюро направило свою внештатную сотрудницу, о которой в нашей резидентуре было известно, что она «таскает каштаны» для американской контрразведки. Дама под надуманным предлогом пришла в гости к Семенову и уселась в то самое кресло, в котором накануне сидел Южин. Болтая без умолку, она ощупывала швы. А перед уходом случайно уронила свою сумочку на пол. Та раскрылась, и содержимое рассыпалось по всей комнате. После того как все предметы были собраны, дама распрощалась и покинула гостеприимный дом. Все ее действия преследовали одну цель: отвести подозрение от Южина, если он именно там обронил зажигалку. Но, как известно, она находилась совсем в другом месте...

В общем, через какое-то время резидентура в Сан-Франциско оказалась «под колпаком» собственной службы безопасности и Второго главного управления КГБ. Но, ничего – пронесло на этот раз!

Тем временем наступил 1982 г., и подошел конец пребыванию Южина в Соединенных Штатах. Исходя из интересов собственной безопасности, он наотрез отказался продолжать сотрудничество с ФБР. И это при том, что Бюро последнее время снабжало его все более ценными, с точки зрения начальства Южина, материалами и даже подключило его к нескольким источникам информации из среды политической элиты США, которые могли представлять интерес для внешней разведки России. Все оказалось напрасно – Южин был непреклонен и в категоричном тоне отказался работать на американцев в Москве.

Впрочем, в ФБР не настаивали. Южина в самом начале предупредили, что рисковать им не собираются и сотрудничество будет развиваться только во время его пребывания за рубежом.

Вместе с тем накануне отъезда Южина познакомили с сотрудником ЦРУ, неким Коллинзом, который собирался приступить к работе в московской резидентуре Управления. Коллинз несколько раз встречался с Южиным, каждый раз склоняя его к продолжению сотрудничества в Москве, но тот стоял на своем категоричном отказе. Это обстоятельство, в свою очередь, обрадовало Джона. Теперь у него не было сомнений: «Твайн» – добросовестный, «чистый» агент, а не «подстава» КГБ! Ведь будь он «двойником», он сразу бы откликнулся на предложение Коллинза, невзирая на очевидный риск!

* * *

Предосторожности не спасли Южина от провала. В апреле 1985 г. наш суперагент Олдрич Эймс сообщил, что Южин – двурушник. Второй главок установил за Южиным круглосуточное наблюдение. Слежка велась настолько тщательно с помощью видеокамер, что в диспетчерском пункте знали с точностью до секунды, когда Южин сходил в туалет, а когда лег спать. Спешить контрразведчикам было некуда – в скором времени объект не должен был выезжать в зарубежные командировки.

Однако и длительная слежка не дала прямых улик измены Южина. А основные доказательства были представлены Эймсом, и еще через полгода их подкрепил Хансен.

23 декабря 1986 г. Южин был «снят» бойцами «Альфы». Он сумел убедить следователей, что сотрудничал с ФБР против собственной воли и глубоко раскаивается в содеянном. В результате ему удалось избежать смертной казни. Он был осужден на пятнадцать лет, из них

пять провел в лагере строгого режима «Пермь-35». В феврале 1992 г. Южин был амнистирован Указом Президента России Б.Н. Ельцина и вернулся в Москву.

В 1994 г. вместе с женой и дочерью выехал по частному приглашению в Сан-Франциско (а куда же еще!).

В настоящее время он пишет мемуары и занимается архивными исследованиями, касающимися судеб западных военнопленных времен Второй мировой войны, окончивших свои дни в ГУЛАГе.

Часть вторая. Российская научная элита распродает госсекреты

Глава первая. Шпион по протекции

Я в шпионы бы пошел – пусть меня научат!

Казус с Владимиром Поташевым, доктором наук, старшим сотрудником отдела военно-политических проблем Института США и Канады Академии наук СССР, уникален хотя бы потому, что он предложил себя в качестве шпиона не кому-нибудь, а самому министру обороны США Гарольду Брауну...

В 1976 г. во время визита Брауна в Москву, тогда еще в качестве главнокомандующего ВВС США, Поташев работал его переводчиком. Он настолько понравился американцу, что тот через некоторое время прислал толмачу приглашение посетить Соединенные Штаты.

В 1981 г. Институт направил Поташева в долгосрочную командировку в Вашингтон на переговоры по ограничению стратегических вооружений. Браун – к тому времени уже министр обороны США – встретил старого знакомого радушно, но, сославшись на занятость, поручил своему адъютанту заняться русским. Каково же было удивление министра, когда Поташев, нарушив все нормы протокола, взял Брауна за локоть и прошептал ему на ухо:

«Господин министр, я прошу Вас устроить мне частную встречу с офицером ЦРУ!»

Оторопевший от такого беспардонного предложения министр, несмотря на провокационность просьбы, ответил согласием.

С уверенностью можно сказать, что это был первый случай в истории агентурной деятельности спецслужб, когда министр обороны великой державы протезировал вербовку секретного источника из противоборствующего лагеря.

«Краткий курс молодого шпиона»

Цэрэушники в спешном порядке стали проводить с Поташевым конспиративные встречи – ведь до его отъезда из Вашингтона оставалось совсем немного времени, к тому же необходимо было выяснить психологию «новобранца», шкалу его ценностей. Оказалось, что основной характерной чертой свалившегося на их головы добровольного рекрута является жадность к деньгам. Об этом стало известно на первой же явке.

После взаимных приветствий Поташев тоном, не терпящим возражений, потребовал немедленно открыть ему счет в каком-нибудь американском банке. Пришедшие на встречу с новобранцем его будущие «кукловоды» понимающе переглянулись – это же мощный рычаг, умело пользуясь которым можно максимально использовать ресурс кандидата в шпионы.

Однако позвольте, мистер Поташев, если вы торопитесь наверстать упущенное вами, то нам вовсе некуда спешить! Сначала давайте разберемся, кто есть who?

Поташев будто только этого и ждал. В своей подбострастной искренности он был неудержим. Он признался американским разведчикам, что поддерживает негласную связь с КГБ, даже назвал свой оперативный псевдоним. Поначалу у бравых молодцев из Лэнгли это вызвало оторопь, но затем они смекнули, что тем проще Поташеву будет решать интересующие их проблемы – он ведь пользуется доверием сотрудников КГБ, обслуживающих институт!

* * *

За короткий срок инструкторы из Лэнгли натаскали Поташева, как выполнять задания, не привлекая к себе внимания окружающих, как поддерживать связь с резидентурой ЦРУ, действующей под прикрытием посольства США в Москве.

Кроме того, учеба предусматривала овладение «Медиумом» – оперативный псевдоним, который цэрэушники вручили инициативнику, – навыками шифрования и дешифровки сообщений, способами нанесения тайнописи, использования международной почтовой переписки, приема и расшифровки кодированных радиопередач.

Впрочем, ничего нового в программе подготовки агента-новобранца не было. «Курс молодого шпиона», который постиг Поташев в Вашингтоне, ничем не отличался от того, что проходят все иностранцы, вербуемые американцами на территории США, и те, чье предназначение работать под началом резидентуры ЦРУ в Москве.

Задачи поставлены, цели определены – за работу!

Как и было обусловлено, Поташев выждал полгода, а затем поставил метку, означавшую, что он готов приступить к выполнению заданий. Метка была поставлена на маршруте движения американских дипломатов. Через пять дней на квартире агента раздался телефонный звонок. В кодированной беседе «Медиуму» было сообщено, где для него заложен тайник. В нем инструкции, средства конспиративной связи и, разумеется, деньги.

...Поташев сообщил своим операторам исчерпывающую информацию об Институте США и Канады, ввел в курс проблем и научных разработок, которые были актуальны на тот период.

Предатель передал американцам аналитическую справку о перспективах переговоров между США и СССР по ядерным вооружениям средней дальности, известные ему данные о том, до какого предела советская делегация намерена идти на уступки, свой прогноз о развитии противоречий в высшей советской партноменклатуре, которые возникли вслед за выдвинутой Рейганом идеей по так называемому «нулевому варианту».

В 1983 г. «Медиум» консультировал ЦРУ по позиции Юрия Андропова (лидер-загадка для Запада!) на очередном раунде переговоров по ядерным вооружениям. Когда же в 1984 г. по инициативе советской стороны были прерваны переговоры с США по ограничению и сокращению стратегических вооружений и ограничению ядерных вооружений в Европе, агент подготовил долгосрочный прогноз о перспективах развития политических и военных отношений между двумя сверхдержавами, четко сформулировав позицию Советского Союза.

«Медиум» своевременно известил своих заокеанских работодателей о создании в структуре Министерства обороны СССР нового органа управления – Командования военно-космическими силами. В качестве дописка не преминул сообщить о причинах отсрочки запуска советского космического корабля многоразового использования «Буран».

Надо откровенно сказать, что донесения сверхинформированного агента сыграли пагубную для нас роль, особенно в период, когда Вашингтон принимал решение о выходе из Договора по противоракетной обороне и о расширении блока НАТО на Восток...

Секретный агент ошибается только раз...

Поташев «таскал каштаны из огня», не щадя живота своего. Желание урвать как можно больше валюты было доминирующим. А тут ему случилось по пьянке разбить свой «жигуль», обзавестись пятью молодыми любовницами, алчущими дорогих шуб, золотых украшений, развлечений в злочных местах столицы!

Жадность, в конце концов, и сгубила «Медиума».

Из кабинета директора Института он похитил справочник правительственной связи, наивно полагая, что сорвет за него баснословный куш. Увы! Справочник давно уже не являлся

секретным документом, а проходил под грифом «для служебного пользования». Начатое расследование вывело наших контрразведчиков на Поташева. За ним установили круглосуточное наблюдение, в ходе которого были получены неопровержимые доказательства его преступной связи с разведчиками американской резидентуры в Москве.

Библейские предания как оправдания

Когда в 1986 г. Поташева разоблачили как американского шпиона и арестовали, он буквально огородил следователей историей, наверняка, почерпнутой им из какого-то американского боевика. Рассказал, что его, честного советского ученого и дипломата, американское разведсообщество в результате многоходовой операции заманило в ловушку, и четверо гориллоподобных мачо, накачав наркотиками, угрозами и пытками принудили работать на ЦРУ.

Поняв несостоятельность своих выдумок, Поташев, перестроившись на ходу, обратился к христианской мифологии, попытался свою измену преподнести как феномен, естественно присущий человеческой природе. Демагог по призванию Поташев за основу взял два библейских события.

Следуя абстрактной логике, он в весьма оригинальной трактовке подал противостояние Иисуса Христа и Иуды Искаротиота. Согласно сделанному им, без преувеличения сенсационному открытию, выходило, что Иисус, чтобы сбылось предсказание пророков, сам побудил Иуду совершить «священное предательство». Поэтому-де Иуда – делал заключение экс-ученый – и не пытался его скрыть, что обычно делают предатели. В том же духе Поташев интерпретировал и поступок Каина. Убив брата, он не предал его, а лишь принес кровавую жертву Богу.

Следователи уличили изменника в плагиате. До него то же самое утверждал некто Херман Левин-Гольдшмидт, отвязной теолог, состоящий на иждивении у западных спецслужб. Этот, с позволения сказать, клерикал в своих трудах, датированных началом 1980-х гг., выворачивал наизнанку Библию, пытаясь облагородить смертный грех – измену. Он оправдывал предательство, используя исторические аналогии, представлял измену как вселенски обусловленное явление. Смотрите, дескать, делали же это праотцы рода человеческого, почему же нам запрещено?

На этом же настаивал и Поташев, но советская судебная практика всегда была безжалостна к шпионам – для них все заканчивалось расстрельным приговором.

Однако помощь изменнику пришла оттуда, откуда ему и в самых радужных снах не могло пригрезиться. Видимо, при рождении сам Бог поцеловал его в маковку. Ибо его судьбу решил... президент США Рональд Рейган, находившийся с официальным визитом в Москве. Сделал он это во время неофициального ужина весьма оригинальным манером, задав лишь один вопрос:

«Господин Горбачев, шпионаж – это война без трупов, не правда ли?»

Контекст был подходящий, и Горбачев сразу понял, что и кого имеет в виду Рейган.

Несмотря на то, что Поташев нанес нашей стране не только политический, военно-стратегический, но и материальный урон, исчисляемый миллиардами долларов, по высочайшему повелению Михаила Горбачева не был расстрелян, а осужден на 13 лет. Что поделаешь – перестройка...

...Спустя шесть лет, в 1992 г., Поташева выпустили по амнистии. Он тут же получил в ОВИР МВД загранпаспорт, американскую визу и отбыл за океан.

В настоящее время Поташев живет в США на пособие от американского правительства как «лицо, пострадавшее в результате сотрудничества с ЦРУ».

Глава вторая. Плащ и кинжал «чистого ученого»

В мае 2011 г. Европейский суд по правам человека обязал Российскую Федерацию выплатить 20 тысяч евро в качестве компенсации Игорю Сулягину, который в 2004 г. Мосгорсудом был приговорен к пятнадцати годам лишения свободы по обвинению в шпионаже.

Согласно постановлению Европейского суда, в России было нарушено не только право Сулягина на «справедливое судебное разбирательство», но, оказывается, он был еще и обвинен в деяниях (в шпионаже), которых в действительности не совершал...

Эпилог вместо вступления

Утром 27 октября 1999 г. на калужском вокзале сотрудники местного Управления ФСБ взяли Игоря Вячеславовича Сулягина, научного сотрудника Института США и Канады Академии наук РФ, когда он садился в вагон скорого поезда, следовавшего через Калугу в Москву. Взяли не с поличным, что мгновенно создало проблемы. Ведь для того, чтобы возбудить уголовное дело против объекта оперативной разработки, нужно иметь доказательную базу. Но вскоре доказательная база была найдена – книга «Стратегия ядерного вооружения России» (Москва, 1998 г.), в которой была опубликована статья Сулягина. Факт этой публикации позволил УФСБ по Калужской области инкриминировать Сулягину «разглашение секретных данных» и в дальнейшем провести все необходимые следственные действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.